

Обзор ситуации с правами человека в Приднестровье в 2017-2021 годах в сфере свободы информации, свободы собраний и ассоциаций, а также права на справедливое судебное разбирательство дела.

СВОБОДА В ИЗОЛЯЦИИ

Информационно-правовой центр «Априори»

Оглавление

I.	Предисловие	3
II.	Особые условия	4
III.	Системные проблемы реализации и защиты права на свободу выражения мнения, свободу собраний и объединений.....	6
IV.	Краткое описание кейсов последних лет, демонстрирующих системные проблемы реализации и защиты фундаментальных прав и свобод лиц, находящихся в Приднестровье	10
	Николай Малышев	10
	Лариса Калик	11
	Роман Ямбогло	12
	Михаил Ермураки	13
	Александр Самоний	14
	Геннадий Чорба	14
	Ирина Василякий	15
	Павел Догарь	18
	Надежда Бондаренко	19
	Одиночные пикеты	19
	Вечеринка возле с. Гиска.....	20
	Ограничение права на свободу передвижения в период пандемии	23
	ИПЦ «Априори».....	24
	Прочие	25
V.	Выводы	26
VI.	Рекомендации.....	27
VII.	Послесловие	28
	Список концевых сносок	29
	Дополнительная информация	47

I. Предисловие

Фокусируясь на свободе информации¹, свободе ассоциаций и собраний², ИПЦ «Априори» стремится повысить качество гражданского общества Приднестровья. Данный обзор — результат обеспокоенности его положением и не является частью какого-либо проекта.

Причиной написания данного обзора стали действия приднестровских властей за последние несколько лет (особенно в 2020 году), которые выразились в беспрецедентном росте случаев необоснованного вмешательства в права человека в сферах свободы информации, свободы собраний и свободы объединений. Перечисленные свободы обладают критической важностью для жизнеспособности гражданского общества, без которого невозможно правовое демократическое государство³.

При этом, нарушения прав и свобод могут случаться и случаются на практике в любой стране мира, поэтому особую важность приобретает вопрос: обеспечило ли государство эффективное средство их защиты? Потому, оказывая юридическую помощь в большинстве приведенных случаев, мы фиксировали как сами необоснованные ущемления прав и свобод, так и нарушения при попытке их восстановления. В обзоре уделяется особое внимание судебной системе Приднестровья.

В завершении предисловия стоит отметить, что обзор наполнен ссылками, без знакомства с которыми понимание изложенного текста может быть некорректным.

II. Особые условия

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) признается действующей на территории Приднестровья согласно статье 10 Конституции ПМР⁴, реализованной в Постановлении ВС ПМР №226 «Об отношении ПМР к международным договорам и другим актам по правам человека»⁵. Исходя из положений §1 статьи 32 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ/Суд) наделен исключительным правом по ее толкованию и применению. Поэтому настоящий анализ основан на подходах, выработанных ЕСПЧ, а его специфика обусловлена неопределенностью статуса Приднестровья.

С точки зрения статьи 1 Конвенции⁷, на государства, подписавшие ее, возложена обязанность обеспечить права и свободы каждому, находящемуся под их юрисдикцией. При этом действие Конвенции распространяется на все территории или любую из них, за международные отношения которых оно несет ответственность⁸, с учетом прецедентной практики ЕСПЧ.

По делам, исходящим из Приднестровья, ЕСПЧ определил в качестве государств-ответчиков Российскую Федерацию («[...] в силу всемерной финансовой и иной поддержки Приднестровья»⁹) и Республику Молдова («[...] власти Республики Молдова обладают юрисдикцией [над территорией Приднестровья] для целей статьи 1 Конвенции [...]»¹⁰).

Правительство Российской Федерации в своих возражениях на жалобы в ЕСПЧ, признавая суверенитет и территориальную целостность Республики Молдова¹¹, указывает на необходимость обращения в ее судебные инстанции¹², хотя обращение к ним не является эффективным «как на практике, так и в законодательстве»¹³.

На практике решения судов Республики Молдова неисполнимы на территории Приднестровья. В своих возражениях на жалобы в ЕСПЧ по делам, исходящим из Приднестровья, Республика Молдова утверждает о возможности исполнения решений молдавских судов на территории Приднестровья под воздействием «дипломатических усилий»¹⁴. Однако, такие «усилия» выглядят крайне сомнительно (например, с 23 июля 2020 года не исполняется вступившее в силу решение Высшей судебной палаты Республики Молдова, согласно которому приговор Верховного суда ПМР О. Хоржану был признан незаконным¹⁵).

На законодательном уровне остается неразрешенным процедурный вопрос. В частности, гражданское процессуальное законодательство Республики Молдова установило одинаковые правила обращения за судебной защитой, как для лиц, чьи дела исходят из подконтрольной Правительству РМ территории Республики Молдова, так и для лиц, чьи дела исходят из Приднестровья. При таком положении обнаруживается неопределенность, возникшая из дискриминации, основанной на одинаковом отношении к лицам, находящимся в существенно различном положении¹⁶.

Таким образом, ни Россия, ни Молдова не обеспечили эффективного средства защиты нарушенных на территории Приднестровья прав и свобод человека.

В то же время, в Приднестровье сформировались собственные средства защиты прав и свобод. К тому же, Республика Молдова наделила органы власти Приднестровья правом вмешиваться в права и свободы лиц, находящихся на подконтрольной им территории. Так, 11 марта 1996 года М. Снегуром и И. Смирновым в присутствии представителей ОБСЕ, России и Украины был подписан

«Протокол согласованных вопросов»¹⁷, согласно которому, Приднестровье было наделено правом устанавливать в обществе правопорядок. В частности, согласно пункту 1 Протокола «Приднестровье принимает Основной закон (Конституцию)», согласно пункту 2 — «Приднестровье принимает законы и нормативные акты».

Несмотря на это, Республика Молдова фактически игнорирует внутренние средства правовой защиты Приднестровья, в частности, исключив суды Приднестровья из Закона «О судеустройстве»¹⁸, однако, ЕСПЧ отметил: «[...] обязательство игнорировать, не принимать во внимание действия существующих де-факто органов и институтов далеко от абсолютного»¹⁹.

Вместе с тем, исходя из практики Европейского суда по правам человека²⁰, можно сделать вывод, что в соответствии со статьей 35 Конвенции, средства правовой защиты, доступные в Приднестровье, следует считать «внутренними средствами правовой защиты» в распоряжении государств-ответчиков — Республики Молдова и Российской Федерации, — и вопрос об их эффективности должен рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств, указанных в Жалобе.

Именно анализ эффективности средств правовой защиты²¹, доступных в Приднестровье, в том смысле, который предусмотрен статьей 13 Конвенции^{22,23}, является одной из целей данного обзора.

III. Системные проблемы реализации и защиты права на свободу выражения мнения, свободу собраний и объединений.

ИПЦ «Априори» отмечает в Приднестровье беспрецедентный рост преследования лиц, публично выразивших свое мнение, начиная с 2017 года.

Формально, в качестве правового основания для такого преследования применялись следующие статьи Уголовного кодекса ПМР (далее — УК ПМР):

— 276 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»²⁴;

— 278 «Возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды»²⁵;

— 278-3 «Отрицание положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике»²⁶;

— 315 «Применение насилия в отношении представителя власти»²⁷;

— 316 «Оскорбление представителя власти»²⁸;

— 316-1 «Оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики»²⁹;

а также следующие статьи Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП ПМР):

— 5.62 «Клевета»³⁰;

— 19.3 «Неисполнение законных требований должностных лиц органов государственной власти, а равно и создание препятствий в осуществлении их деятельности»³¹.

«Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и «Возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды» (ст. 276 и 278 УК ПМР).

Прежде всего, отмечаем, что ограничение свободы выражения мнения и свободы собраний в связи с экстремистской/ненавистнической деятельностью должно преследовать законные цели, предусмотренные §2 статей 10³² и 11³³ Конвенции. Данные цели закреплены в статье 18 Конституции ПМР³⁴.

Алгоритм анализа данных ограничений, применяемый Европейским судом по правам человека, основывается на «Общеполитической рекомендации №15 о борьбе с ненавистническими высказываниями», принятой Европейской комиссией Совета Европы по борьбе с расизмом и нетерпимостью от 8 декабря 2015 года³⁵ (см. Пояснительную записку к рекомендациям): «[...] для оценки того, имеется ли риск совершения соответствующих [экстремистских/ненавистнических] действий, необходимо учитывать конкретные обстоятельства использования форм разжигания ненависти. В частности, следует рассматривать:

(а) контекст, в котором используется рассматриваемая форма разжигания ненависти (в частности, существует ли уже в обществе серьезная напряженность, с которой связано разжигание ненависти);

(b) способность лица, разжигающего ненависть, оказать влияние на других лиц (например, в силу того, что такие лица являются политическими, религиозными или общественными лидерами);

(c) природа и сила используемого языка (например, является ли он провокационным и прямым, используется ли ложная информация, создание негативных стереотипов и стигматизация либо способен ли используемый язык иным образом побуждать к актам насилия, запугивания, вражды или дискриминации);

(d) контекст конкретных замечаний (являются ли они единичным случаем или высказывались несколько раз, и можно ли считать, что они сбалансированы другими заявлениями того же или иного лица, особенно в ходе дебатов);

(e) используемые средства информации (возможна ли немедленная реакция аудитории, например, как на интерактивном мероприятии);

(f) характер аудитории (имеются ли средства и склонность или восприимчивость к участию в актах насилия, запугивания, вражды или дискриминации)».

Мы были вынуждены подробно остановиться на том, каким образом те или иные высказывания должны проверяться на предмет экстремизма, поскольку само понятие «экстремизм» в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» не сформулировано с достаточной точностью, т.к., фактически, не дает определения понятию «экстремизм», отождествляя его с понятием «экстремистская деятельность», суть которого Закон так же не содержит, приводя лишь формы такой деятельности³⁶. Но даже если отталкиваться от подобной трактовки понятия «экстремизм», правовую неопределенность порождает отсутствие прямой связи ряда пунктов, определяющих это понятие³⁷, с совершением насилия: «Венецианская комиссия придерживается мнения, что для того чтобы «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» считалось «экстремистской деятельностью», в определении должен явно упоминаться элемент насилия»³⁸, — и данное требование применимо ко всем определениям.

Таким образом, нормы об экстремизме не соответствуют требованиям, предъявляемым к «качеству закона»³⁹. Не внесла ясности в понимание экстремистских действий и принятая в марте 2020 года «Стратегия противодействия экстремизму в Приднестровской Молдавской Республике»⁴⁰.

«Отрицание положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике» (ст. 278-3 УК ПМР).

Отмечаем, что статья 278-3 УК ПМР не позволяет лицу предвидеть последствия для него, поскольку законодательство Приднестровья не содержит положений, раскрывающих содержание терминов «явное неуважение», «искажение положительной роли миротворческой миссии» и «умаление заслуг», охватывая достаточно широкую сферу его применения, что уменьшает ясность и предсказуемость указанной уголовной нормы.

Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал, что «закон должен быть доступен для заинтересованных лиц и сформулирован с достаточной точностью, чтобы они могли — при необходимости, с помощью соответствующей консультации — предвидеть, в разумной степени в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие»³⁹.

Кроме того, данная норма ограничивает «поиск исторической правды», при отсутствии какой-либо оценки этой роли международными организациями (ООН, ОБСЕ, Совет Европы и др.). Обсуждение вопросов исторической памяти ЕСПЧ прямо определил как часть свободы выражения мнения⁴¹, и всякого рода ограничения данной свободы возможны только на условиях, предусмотренных §2 статьи 10 Конвенции.

Вместе с тем, остается не разрешенным вопрос о совместимости данной уголовной нормы с Резолюцией 3314 (XXIX) генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года⁴².

«Оскорбление представителя власти» и «Оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики» (ст. 316 и 316-1 УК ПМР).

Несмотря на то, что в «подавляющем большинстве современных демократий понятие оскорбления главы государства исключено из уголовного законодательства»⁴³, приднестровское законодательство не только активно применяется, но и пополняется подобными нормами (ст. 316-1 введена в действие в марте 2019 года⁴⁴).

При этом понятие «оскорбление» достаточно широко прописано в приднестровском законодательстве⁴⁵. Например, отсутствует указание на «умышленность» деяния и использован неопределенный термин «нормы морали и нравственности» и «неприличная [...] форма». Подобное не соответствует требованиям, предъявляемым к «качеству закона», и, как следствие, позволяет применять данную норму не только к оскорблениям как таковым, но и, как будет показано далее, к сатирическим высказываниям и достаточно резкой критике, что противоречит международным стандартам, т.к. в отношении политических деятелей должна допускаться критика даже в большем объеме, чем к частным лицам⁴⁶.

Вместе с этим, стоит отметить применение правоохранительными органами Приднестровья в широких пределах следующих норм Кодекса об административных правонарушениях:

«Клевета» (ст. 5.62 КоАП ПМР) налагает в качестве санкции существенные штрафы (до €460);

«Неисполнение законных требований должностных лиц органов государственной власти, а равно и создание препятствий в осуществлении их деятельности» (ст. 19.3 КоАП ПМР) предполагает в качестве максимальной санкции административный арест до 15 суток.

Кроме того, нами были зафиксированы и системные проблемы в правовом регулировании свободы собраний и свободы ассоциаций.

Закон «О собраниях, митингах, уличных шествиях и пикетировании», подпункт «а» пункта 4 статьи 5⁴⁷, предполагает уведомление властей о проводимом массовом мероприятии, а не его санкционирование (разрешение) властями.

Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что «цель процедуры уведомления состоит в том, чтобы позволить властям принимать разумные и надлежащие меры для обеспечения беспрепятственного проведения любого собрания. Положения такого рода не должны представлять собой скрытого препятствия для свободы мирных собраний, защищаемой Конвенцией»⁴⁸.

В частности, участники не могут быть наказаны за участие в стихийном митинге, поскольку «свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое важное значение, что лицо не подлежит наказанию — даже самому незначительному дисциплинарному взысканию — за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока лицо лично не совершит какие-либо противоправные действия»⁴⁹.

Этот подход Европейский суд по правам человека признал верным даже и в том случае, «если существует реальная опасность публичных беспорядков»⁵⁰.

Закон «О некоммерческих организациях» от 19 марта 2018 года ввел ряд дискриминационных норм и размытых определений, связанных с понятием «политическая деятельность».

Так, пункт 7 статьи 2 Закона об НКО⁵¹ допускает дискриминацию:

— объединившихся в НКО граждан, по сравнению с отдельными гражданами, которые могут заниматься деятельностью, которая запрещена объединению граждан под угрозой признания этой деятельности «политической»;

— НКО, имеющих иностранное финансирование, по сравнению с НКО, осуществляющими аналогичную деятельность, но не имеющих иностранного финансирования.

Такие нормы не только дискриминационны, но и прямо противоречат Руководящим принципам по свободе объединений, принятым Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ⁵². Вместе с тем, в своих решениях ЕСПЧ указывал на нарушения прав человека вследствие использования понятия «политическая деятельность» в национальном законодательстве⁵³.

Отдельные нормы закона об НКО не соответствуют критерию «качества закона», так как, несмотря на объемную формулировку понятия «политическая деятельность» через «сферы» и «формы» (п. 7 ст. 2 Закона), они не сформулированы с достаточной точностью, т.е. содержат термины, не имеющие однозначного толкования: «государственное строительство», «защита основ конституционного строя ПМР», «защита суверенитета и обеспечение территориальной целостности ПМР», «обеспечение законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики» и «формирование общественно-политических взглядов и убеждений».

IV. Краткое описание кейсов последних лет, демонстрирующих системные проблемы реализации и защиты фундаментальных прав и свобод лиц, находящихся в Приднестровье

Николай Малышев

22 апреля 2019 года председатель домового комитета Н. Малышев пришел в Администрацию Правительства ПМР с намерением подать обращение о ненадлежащем обслуживании дома. Должностное лицо из Администрации отказало в приеме обращения. При осуществлении видеосъемки отказа, Н. Малышев был задержан сотрудниками государственной охраны и доставлен в УВД г. Тирасполь и после дачи объяснений выпущен без предъявления какого-либо нарушения и без составления протокола доставления. Спустя 2.5 месяца, 4 июля 2019г., исполняющий обязанности Прокурора г. Тирасполь Т. Баденко вынесла Постановление⁵⁴ о возбуждении производства об административном правонарушении: неисполнение требований сотрудников государственной службы охраны о прекращении видеосъемки (ст. 19.3 п. 1 КоАП ПМР).

При этом, отказ в приеме обращений запрещен пунктом 1 статьи 7-2 Закона «Об обращениях граждан, юридических лиц, а также общественных объединений»⁵⁵. Соответственно, вмешательство в право свободно получать информацию не было «предусмотрено законом»⁵⁶, а потому в отношении Н. Малышева нарушена статья 10 Конвенции.

Описанные выше события привели к четырем нижеуказанным судебным процессам.

По делу об административном правонарушении за неисполнение требований сотрудников государственной службы охраны, возбужденном Прокуратурой в отношении Н. Малышева.

Судья С. Карлетов отказал в вызове всех свидетелей со стороны Малышева (десять), тогда как со стороны Прокуратуры были вызваны все свидетели (трое). Таким образом, Н. Малышева лишили разумной возможности «представить свое дело в таких условиях, которые не ставят его в существенно менее благоприятное положение в сравнении с другой стороной»⁵⁷, что нарушило принцип равенства сторон, составляющий элемент справедливого судебного разбирательства.

Судья С. Карлетов по собственной инициативе вызвал свидетелей «обвинения» и позволил данным свидетелям не отвечать на вопросы Н. Малышева по существу, что свидетельствует об отсутствии объективной беспристрастности суда⁵⁸.

В суде сотрудниками Государственной службы охраны МВД ПМР так и не были представлены доказательства законности требований о прекращении видеосъемки, а судья С. Карлетов уклонился от оценки этих требований.

В то время как Н. Малышев находился по состоянию здоровья в больнице, судья С. Карлетов в нарушение закона окончательно рассмотрел дело в отсутствие Н. Малышева⁵⁹, чем «вопиюще отказал в правосудии»⁶⁰.

Н. Малышев был подвергнут максимальному штрафу, предусмотренному статьей 19.3 КоАП ПМР (ок. €90).

По делу, инициированному Н. Малышевым в отношении сотрудника Apparата Правительства ПМР в связи с неправомерными действиями сотрудника Apparата Правительства ПМР при отказе в приеме обращения.

Судья Е. Качуровская уклонилась от рассмотрения ключевого аргумента⁶¹ Н. Малышева о недопустимости отказа в приеме обращений граждан, который установлен законодательством.

Судья Е. Качуровская не удовлетворила требование Н. Малышева о признании неправомерным отказ сотрудника Аппарата Правительства в приеме обращения, сославшись на вину Н. Малышева в неповиновении требованиям сотрудников Государственной службы охраны, которая на тот момент не была установлена вступившим в законную силу постановлением суда, чем была нарушена презумпция невиновности⁶².

По делу, инициированному Н. Малышевым в отношении сотрудника УВД г. Тирасполь в связи с бездействием сотрудника УВД г. Тирасполь (несоставление протокола доставления).

Судья С. Чувакина привлекла к участию в деле Прокурора, что усилило сторону УВД г. Тирасполь и нарушило «справедливое равновесие» самим фактом такого привлечения, т.к. обстоятельства, оправдывающие подобное привлечение, отсутствовали⁶³. При этом важно отметить, что позиция Прокуратуры нашла отражение в решении суда: суд ссылаясь на нее в подтверждение своих доводов.

По делу, инициированному Н. Малышевым в отношении сотрудников государственной службы охраны в связи с неправомерными требованиями об удалении видеозаписи:

Судья Н. Лиходед немотивированно вернула заявление Н. Малышева о признании незаконным требования сотрудников Государственной службы охраны МВД ПМР (удалить видеозапись): судья указала на отсутствие в заявлении сведений, которые там в действительности имелись (наименование ответчиков и видеозапись с требованием сотрудников ГСО удалить видеозапись), тем самым ограничив Н. Малышеву доступ к правосудию.

Таким образом, разбирательства по указанным делам не отвечали стандартам права на справедливое судебное разбирательство дела, гарантированного статьей 6 Конвенции⁶⁴.

Лариса Калик

В декабре 2019 года двадцатилетняя тираспольчанка Л. Калик презентовала⁶⁵ и опубликовала свою книгу «Год молодости», которая была написана в стиле нон-фикшн. Она содержала 12 рассказов сверстников Ларисы, отслуживших в приднестровской армии по призыву. В связи с публикацией, 3 марта 2020 года Министерством государственной безопасности ПМР в отношении Л. Калик было возбуждено⁶⁶ уголовное дело по экстремистским основаниям (п. 2 ст. 276 УК ПМР).

Возбуждение указанного уголовного дела является вмешательством органов власти в право Л. Калик свободно выражать свое мнение, а потому ее публикация подпадает под защиту статьи 10 Конвенции. Данное вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку анализ публикации, основанный на подходах ЕСПЧ, как того требует закон ПМР⁶⁷, не позволяет отнести ее к экстремистским (см. анализ «языка ненависти»). Кроме того, статья 276 УК ПМР, как показано выше, не отвечает требованиям, предъявляемым к «качеству закона». Как следствие, в отношении Л. Калик нарушено право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

Кроме этого, исполнительные органы власти отказались⁶⁸ предоставить Л. Калик постановление о возбуждении уголовного дела, чем нарушили право знать суть обвинения, гарантированное §3 (а) статьи 6 Конвенции. Неоднократные

обращения к Президенту ПМР В. Красносельскому не разрешили данной проблемы.

Л. Калик была вынуждена покинуть территорию Приднестровья.

Роман Ямбогло

25 января 2020 года во время стендап-выступления⁶⁹ в Гражданском клубе «№19» студент 1-го курса ПГУ Р. Ямбогло шутил об отношении министра внутренних дел ПМР Р. Мовы к проблеме коррупции. 13 февраля 2020 года в отношении Р. Ямбогло оперуполномоченным ОСР УСБ МВД ПМР Е. Коваленко было возбуждено уголовное дело⁷⁰ по статье об оскорблении представителя власти (316 УК ПМР) и по статье об угрозе убийством (116 УК ПМР⁷¹).

Оскорбления. Прежде всего отметим, что согласно статье 166 Гражданского кодекса ПМР⁷², честь и достоинство относятся к личным неимущественным правам и, соответственно, утверждать об их умалении может только конкретное лицо, считающее себя оскорбленным. Несмотря на это, Уведомление о возбуждении уголовного дела не содержит информации о наличии такого заявления.

Что касается сущностной стороны вопроса, при анализе высказываний оскорбительного и порочащего толка необходимо учитывать 3 составляющие: содержание, характер и контекст⁷³. По своему содержанию выступление Р. Ямбогло касалось общественно значимой темы — коррупции, а не вопросов частной жизни. Несмотря на то, что, согласно Постановления выступление Р. Ямбогло содержит «оскорбительную лексику⁶² и фразеологию, негативную информацию, оценку в неприличной форме», контекст — юмористическое шоу, — не позволяет воспринимать его высказывания в адрес Р. Мовы в буквальном смысле. Но даже если воспринимать буквально, то, как политик, Р. Мова должен был проявить бóльшую терпимость к критике⁷⁴, особенно там, где она принимает форму сатиры⁷⁵. А потому возбуждение уголовного дела, предпринятое для защиты публичного авторитета Р. Мовы, не было соразмерно цели «защиты репутации других лиц», указанной в §2 статьи 10 Конвенции. Отсутствие такой соразмерности ЕСПЧ квалифицирует как не являющееся «необходимым в демократическом обществе»⁷⁶ и нарушающее статью 10 Конвенции.

Угроза убийством. На юмористическом шоу от Р. Ямбогло прозвучала фраза: «Я хочу сказать Руслану Петровичу, чтобы он был... впредь не так палевно [явно] говорил какие-то вещи, ведь как Безбабченко можно в Одессу один раз уехать и не вернуться», — которая никоим образом не может отвечать параметру реальности такой угрозы, как минимум потому, что она была высказана в рамках юмористического шоу. Следовательно, уголовное преследование в связи с «угрозой» не имело достаточного обоснования.

Вместе с тем отметим ряд процессуальных нарушений. Прежде всего, отсутствие надлежащей мотивировки в постановлениях о возбуждении уголовных дел, а именно, они не содержат конкретных оскорбительных и угрожающих формулировок, описания их характера, содержания выступления и контекста. Кроме того, уголовное расследование Р. Ямбогло не было независимым, поскольку майор милиции, расследующий данное уголовное дело, Е. Коваленко, находился в служебной зависимости от министра внутренних дел Р. Мовы.

Судебное разбирательство завершилось признанием Р. Ямбогло виновным в оскорблении представителя власти и присуждением ему штрафа. Следовательно, судебные инстанции проигнорировали вышеупомянутую зависимость следствия от потерпевшего министра внутренних дел Р. Мовы, т.к. в обратном случае дело

должно было быть прекращено. Соответственно, в отношении Р. Ямбогло нарушено право на справедливое разбирательство дела, гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

Михаил Ермураки

В сентябре 2019 года М. Ермураки пришел на прием к директору МОУ ТСШ №9, с которым у него состоялся разговор в присутствии секретаря и двух преподавателей. По окончании беседы М. Ермураки передал директору написанную им ранее статью «для ознакомления с ней и оказания содействия в ее публикации в СМИ»⁷⁷. Директор вела аудиозапись происходящего и сообщила о состоявшемся разговоре в МГБ.

Судебно-лингвистическая экспертиза от 20 января 2020 года обнаружила в тексте и высказываниях «признаки оскорбления группы лиц, объединенных по национальному признаку принадлежности к гражданству Приднестровья, с указанием на неполноценность по признаку их национальной государственности — граждане ПМР».

Кроме этого, как следует из Заключения, в процессе беседы с директором школы М. Ермураки «стал высказывать в адрес Президента ПМР ряд оскорбительных выражений, в частности, такие как «наемник», «марионетка», а также иные заведомо ложные сведения относительно его деятельности».

По мнению следствия, как в тексте, так и в высказываниях М. Ермураки «выражал явное неуважение к миротворческой миссии РФ в ПМР», «отрицал положительную роль миротворческой миссии РФ в поддержании мира, безопасности и стабильности в ПМР», озвучивал «призывы, искажающие положительную роль миротворческой миссии» и называл «факт нахождения миротворческого контингента на территории Приднестровья — действиями по оккупации чужой территории, а лиц, в том числе и военнослужащих, имеющих отношение к миротворческой миссии, — оккупантами».

16 марта 2020 года в отношении М. Ермураки возбуждено 3 уголовных дела⁷⁸:

— за «оскорбительные изречения в отношении большого круга лиц по признаку принадлежности к гражданству Приднестровья, унижающие достоинство лиц различных национальностей [...]» (п. 1 ст. 278 УК ПМР);

— за «явное исключительное неуважение к миротворческой миссии РФ в Приднестровье» и за то, что называл «факт нахождения миротворческого контингента РФ на территории Приднестровья — действиями по оккупации чужой территории, а лиц, [...] имеющих отношение к миротворческой миссии — оккупантами» (ст. 278-3 УК ПМР);

— за «публичное оскорбление представителя власти» — Президента ПМР В. Красносельского (ст. 316-1 УК ПМР; Уведомление не содержит информации о наличии заявления от указанного лица, несмотря на то, что честь и достоинство относятся к личным неимущественным правам и, соответственно, утверждать об их умалении может только конкретное лицо, считающее себя оскорбленным).

Заявленные подозрения в совершении указанных преступлений хоть и основываются на заключении судебно-лингвистической экспертизы, тем не менее, носят произвольный характер, т.к. не соответствуют порядку анализа «языка ненависти» и оскорблений⁷³, принятому ЕСПЧ. Кроме того, уголовное преследование совершается по статьям 278-3 УК ПМР и 316-1 УК ПМР, которые не отвечают требованиям «качества закона».

При таких обстоятельствах вмешательство властей Приднестровья в право М. Ермураки на свободу выражения мнения не «предусмотрено законом», а потому нарушена статья 10 Конвенции.

На момент публикации данного обзора уголовные дела в отношении М. Ермураки рассматриваются в Тираспольском городском суде. Стоит отметить, что в одном из заседаний Прокуратура ходатайствовала о проведении дополнительной лингвистической экспертизы, которая впоследствии была произведена Департаментом судебной экспертизы МВД ПМР.

Александр Самоний

2 июня 2020 года возбуждено уголовное дело⁷⁹ в отношении депутата Тираспольского горсовета А. Самония по части 2 статьи 276 УК ПМР (призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и по статье 316-1 УК ПМР (оскорбление Президента ПМР) в связи с якобы его публикациями в Facebook.

Согласно статьям 90 и 95 УПК ПМР, Постановление должно содержать «основание к возбуждению дела»⁸⁰. При этом, «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления»⁸¹.

Вопреки указанным нормам, Постановление о возбуждении уголовного дела не содержит слов А. Самония, за которые он преследуется, и которые, как указано в Постановлении, «подрывают безопасность Республики, публично оскорбляют правящую власть и Президента ПМР, направлены на захват или присвоение властных полномочий, воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, содержат пропаганду идеологической, политической, социальной вражды и нетерпимости»⁶².

Вместе с этим, Прокуратура не приводит какого-либо анализа высказываний, подтверждающего наличие признаков преступления, например, международно признанного анализа «языка ненависти», подменяя его исследованием специалиста Приднестровского государственного университета.

Отсутствие признаков вменяемого преступления позволяет говорить об отсутствии в Постановлении оснований для возбуждения уголовного дела, что нарушает право А. Самония «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения»⁸² (§3 (а) статьи 6 Конвенции).

Таким образом, в ситуации отсутствия признаков какого-либо преступления, совершенного А. Самонием, нам не остается ничего иного, кроме как говорить о преследовании А. Самония за его публичную позицию, что нарушает право на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции.

А. Самоний вынужден был покинуть территорию Приднестровья.

Геннадий Чорба

2 июля 2020 года Г. Чорба принял участие в стихийном⁸³ собрании граждан на мосту через р. Днестр в г. Рыбница, возникшем в результате аннулирования пропусков⁸⁴ жителей Рыбницы, работающих на правом берегу. Фактически, Г. Чорба выступил представителем стихийно собравшихся на мосту граждан и вел от их имени диалог с Министром МВД ПМР Р. Мовой. На следующий день Рыбницкий районный суд вынес решение⁸⁵ об административном аресте Г. Чорбы на 10 суток за проведение «несанкционированного публичного мероприятия (митинга)»⁸⁶.

Вмешательство в право на свободу собраний выразилось в последующем аресте⁸⁷ Г. Чорбы. Оно не было «предусмотрено законом», поскольку закон «О

собраниях, митингах, демонстрациях, уличных шествиях и пикетированиях» требует не «санкционирования» / «согласования» собраний как об этом указывает судья в своём решении, а лишь «уведомления» о них. При этом очевидно, что требование «уведомить» о проведении, фактически, стихийного собрания выходит за рамки разумной логики. В любом случае, отсутствие уведомления властей о проведении собрания не должно представлять скрытого препятствия для свободы мирных собраний⁸⁸.

Судья Т. Кизыма вменил Г. Чорбе: «ему [Г. Чорбе] было заведомо известно, что данное мероприятие проводилось без уведомления и согласования» и «создало помехи для транспортных средств»; «принимал активное участие в проведении данного митинга»; «призывал граждан не расходиться, а наоборот собраться»; «высказывал претензии и требования к представителям органов власти». Также суд пришел к выводу «о главенствующей роли» Г. Чорбы. Однако, ни одно из этих действий не относится к правонарушениям и не имеет правовых последствий согласно закону «О собраниях».

При этом, судья, сделав вывод, что «действия Чорбы Г.П. подлежат правовой квалификации по пункту 3 статьи 20.2 КоАП ПМР, то есть нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения митинга», не указал конкретной нормы закона «О собраниях», которая была нарушена. Для судьи Т. Кизыма значение имел лишь «факт его [Г. Чорбы] участия в любой форме в подобном [«несанкционированном»] мероприятии».

Таким образом, не указав конкретную норму закона, нарушенную Г. Чорбой, судья г. Рыбница Т. Кизыма явно нарушил право на мотивированное решение, которое является одним из компонентов права на справедливое разбирательство дела, гарантированного §1 статьи 6 Конвенции.

Важно также отметить, что Г. Чорба не имел защитника в судебном заседании, хотя данное право предусмотрено §3 (с) статьи 6 Конвенции.

11 июля 2020 года стало известно⁸⁹, что в отношении Г. Чорбы заведено уголовное дело за «публикации, содержащие призывы экстремистского характера» и «призывы к экстремистской деятельности» (ч. 2 ст. 276 УК ПМР).

На момент публикации данного обзора Г. Чорба находится под стражей, а его уголовное дело засекречено по неизвестным причинам.

Ирина Василяк

8 ноября 2019 года И. Василяк опубликовала в сети YouTube видеоролик «Откуда в ПМР 50 вагонов иностранной валюты», в котором утверждала, что в 90-е И. Небейголова убил двух депутатов ПМР. И. Небейголова обратился в правоохранительные органы с заявлением о привлечении Василяк к ответственности за клевету.

7 апреля 2020 года И. Василяк посредством обмана участковым была доставлена из дома в Октябрьский РОВД г. Тирасполь для составления протокола об административном правонарушении. Доставка не была основана на законе, поскольку не было препятствий для составления данного протокола на месте, как это предусмотрено законом⁹⁰. Протокол доставки при этом составлен не был, а также запись о доставлении в протокол об административном правонарушении не была внесена⁹¹.

Фактически, И. Василяк находилась во власти сотрудников милиции примерно с 11:00 до 15:30, однако протокол задержания также не был составлен, как того требует закон⁹². В своих решениях Европейский суд по правам человека не раз подчеркивал⁹³, что отсутствие официального документа с информацией о дате, времени и месте задержания, а также имени

задержавшего должностного лица должно рассматриваться как наиболее серьезное упущение, не совместимое с целью статьи 5 Конвенции⁹⁴. Кроме этого, такие действия сотрудников милиции ограничили право И. Василадель на свободу передвижения, гарантированное §1 статьи 2 Протокола №4 к Конвенции⁹⁵.

Во время фактического задержания сотрудники милиции не предоставили возможности И. Василадель позвонить родным или защитнику, тем самым нарушив §3 (с) статьи 6 Конвенции, гарантирующий право на защитника.

Кроме этого, сотрудники милиции надели наручники на И. Василадель таким образом, что были пережаты запястья обеих ее рук достаточно сильно, чтоб приравнять это к бесчеловечному обращению⁹⁶, длившемуся более двух часов. Кроме того, сотрудники милиции обращались с И. Василадель «жестко» и «бесчеловечно» (наносили удары по ногам⁹⁷), а также унизили ее достоинство, незаконно снимая происходящее (в частности, плач потерпевшей) на личный смартфон одного из сотрудников. Эти действия сотрудников милиции нарушили право И. Василадель не подвергаться пыткам, бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению (ст. 3 Конвенции⁹⁸).

Позже, в тот же день 7 апреля 2020 года, И. Василадель была подвергнута приводу в суд, однако заседание не состоялось, т.к. судья не выносил определение о приводе⁹⁹. Лишь 3 дня спустя, 10 апреля, суд состоялся, и судья Слободзейского районного суда В. Ванюшин привлек И. Василадель к административной ответственности в виде штрафа по статье 5.62 КоАП ПМР (Клевета).

Несоблюдение сотрудниками милиции «законного порядка» привлечения к административной ответственности и привода в суд нарушило в отношении И. Василадель презумпцию невиновности (§2 ст. 6 Конвенции).

Стоит отметить, что на заседании суда сотрудники УВД г. Тирасполь не представили доказательств отсутствия у И. Небейголовой судимости, а значит, не была должным образом доказана ложность сведений об И. Небейголове, изложенных И. Василадель в видеоролике «Откуда в ПМР 50 вагонов иностранной валюты». Таким образом, вмешательство в право И. Василадель свободно выражать свое мнение, выразившееся в последующем привлечении ее к административной ответственности, основывалось на несправедливом судебном разбирательстве, и представляет собой вмешательство, которое не было «основано на законе», как того требует §2 статьи 10 Конвенции¹⁰⁰.

Кроме того, в ходе судебного разбирательства судья В. Ванюшин отказался рассматривать вышеописанные нарушения сотрудников милиции при привлечении И. Василадель к административной ответственности. После отмены постановления Ванюшина в суде высшей инстанции, дело было пересмотрено судьей В. Гуска, который также не рассмотрел нарушения процедуры привлечения к административной ответственности.

Вместе с тем, И. Василадель обратилась в Тираспольский городской суд с заявлением о неправомерных действиях сотрудников милиции, имевших место 7 апреля 2020 г. Судья С. Чувакина формально соблюла закон и отказала в рассмотрении заявления, указав при этом, что неправомерные действия сотрудников милиции должны были быть рассмотрены в соответствующем деле (под председательством судьи В. Ванюшина и В. Гуски).

Поскольку мы не можем допустить, что судьи В. Ванюшин и В. Гуска уклонились от рассмотрения законности привлечения к ответственности И. Василадель в силу некомпетентности¹⁰¹, нам остается говорить лишь об их предвзятости, что нарушает «право [...] на разбирательство дела [...] беспристрастными судом», гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

После этого, судья Верховного суда ПМР А. Баранова своим определением вернула кассационную жалобу на постановление судьи В. Гуска без рассмотрения, указав на якобы пропущенный срок обращения. Однако, возврат кассационной жалобы в какой бы то ни было форме не предусмотрен законом¹⁰². При этом, поданное И. Василадель ходатайство о восстановлении срока подачи кассационной жалобы судья Верховного суда ПМР О. Филонис оставила без рассмотрения (не вынесла соответствующего определения).

Указанные действия судей Верховного суда ПМР А. Барановой и О. Филонис не преследовали законной цели надлежащего отправления правосудия и представляли собой «вопиющий отказ в правосудии», чем нарушили гарантии справедливого судебного разбирательства, в части доступа к правосудию (§1 статьи 6 Конвенции)¹⁰³.

Позже И. Василадель обратилась в Прокуратуру ПМР с заявлением о незаконных действиях сотрудников милиции, которое было передано в Следственный комитет ПМР. Следственные органы признала факт причинения телесных повреждений, однако не дала оценку соразмерности применения специальных средств (наручников) в отношении потерпевшей, и соблюдения сотрудниками милиции порядка привлечения И. Василадель к административной ответственности, не усмотрев в действиях сотрудников милиции нарушения закона.

Таким образом, следственные органы не провела «тщательного и эффективного официального расследования», «способного привести к установлению личностей виновных лиц и к их наказанию»¹⁰⁴, а Прокуратура не осуществила свою функцию надзора за законностью действий сотрудников милиции. Как следствие, в отношении И. Василадель нарушены положения статьи 3 Конвенции о запрете пыток и бесчеловечного обращения.

Постановление Следственного комитета об отказе в возбуждении уголовного дела по факту причинения телесных повреждений было обжаловано в суде. Судья А. Калько отказал в удовлетворении жалобы, не оценив «тщательность» и «эффективность» расследования.

13 апреля 2020 года И. Василадель опубликовала в сети YouTube видеоролик «Меня хотят убить. Большое интервью», в котором описала действия сотрудников милиции под руководством майора милиции И. Караманова, и посчитала их превысившими полномочия при негласном задержании и доставлении ее в Слободзейский суд 7 апреля 2020. По заявлению И. Караманова, посчитавшего себя оклеветанным этим видеороликом, в отношении И. Василадель было возбуждено второе дело об административном правонарушении по пункту 1 статьи 5.62 (Клевета).

Судья Т. Нагорняк затянула рассмотрение протокола об административном правонарушении и в итоге прекратила производство по делу по причине истечения срока привлечения к ответственности. Т.о. И. Василадель не была привлечена к ответственности, но и контроль, осуществляемый судами за действиями сотрудников милиции при жалобах на нарушения порядка привлечения к административной ответственности, не был осуществлен. Такие действия судьи, аналогично действиям в предыдущих разбирательствах, также свидетельствуют о предвзятости, что, опять же, нарушило право на разбирательство дела беспристрастным судом, гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

После того, как И. Василадель обжаловала действия сотрудников милиции в Тираспольский городской суд, в отношении нее было возбуждено уголовное дело за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 315 УК ПМР) —

сотрудника милиции, проводившего указанное выше негласное задержание. Судья У. Капралова отказалась рассматривать жалобы И. Василадель на нарушения сотрудниками милиции порядка привлечения ее к административной ответственности, чем проявила свою предвзятость, что нарушило право на разбирательство дела беспристрастным судом, гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

При рассмотрении Верховным судом ПМР жалобы на постановление суда первой инстанции к участию в деле не был допущен С. Поповский ни в качестве представителя И. Василадель, хотя имелась доверенность на представление ее интересов, ни в качестве общественного защитника, хотя об этом И. Василадель подала ходатайство, что нарушило право заявителя на справедливое судебное разбирательство, гарантированное §3 (с) статьи 6 Конвенции, в той ее части, которая гарантирует право «защищать себя [...] через посредство выбранного им самим защитника».

Уголовное дело в отношении И. Василадель не прекращено. Она была вынуждена покинуть Приднестровье.

Более подробное описание кейса с подтверждающими документами вы можете найти на apriori-center.org в материале «Заявление о нарушении прав и свобод Ирины Василадель»¹⁰⁵.

Павел Догарь

26 ноября 2020 года жилище бендерчанина П. Догаря подверглось обыску, при котором были изъяты компьютер, планшет и смартфон. Со слов П. Догаря, ему не был вручен протокол обыска (выемки). Во время обыска следователь сообщил П. Догарю, что в его отношении возбуждено уголовное дело за публичное высказывание в Facebook.

П. Догарь обратился в органы власти с заявлением выдать ему протокол обыска (выемки), на что получил отказ в выдаче: Военная Прокуратура ПМР отказала в получении этих документов, сославшись на то, что они были выданы ему ранее. Кроме того, П. Догарь обратился к Председателю Следственного комитета ПМР В. Брынзарь, который, оставив без ответа обращение, фактически отказал предоставить какие-либо документы, связанные с возбуждением уголовного дела.

Между тем, на сайте Следственного комитета ПМР была опубликована запись о завершении расследования уголовного дела¹⁰⁶ «в отношении жителя г. Бендеры». Согласно пресс-релиза, «мужчина обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч.2 ст.276 УК ПМР (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием сети Интернет), ч.1 ст.278-3 УК ПМР (отрицание положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике)». «Следствием собрана достаточная доказательственная база, обвинительное заключение утверждено Прокурором, уголовное [дело] направлено в суд».

Тираспольский городской суд, сославшись на засекреченность дела, отказал в удовлетворении жалобы П. Догаря на действия старшего следователя по ОВД Следственного комитета ПМР А. Панина в связи с невручением протокола обыска (выемки), а также постановления о возбуждении уголовного дела. Таким образом, П. Догарь лишился гарантии знать вменяемое ему нарушение, согласно §3 (а) статьи 6 Конвенции, и гарантии публичного разбирательства дела, гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

П. Догарь был вынужден покинуть Приднестровье.

Надежда Бондаренко

17 сентября 2020 года в отношении Н. Бондаренко замначальника ОД УВД г. Тирасполь Л. Бондаренко вынес «Уведомление о подозрении в совершении преступления»¹⁰⁷, которое касалось обстоятельств публикации в газете «Глас народа», редактором которой Н. Бондаренко является, статьи «Обращение лидера приднестровской оппозиции, политзаключенного Олега Хоржана к народу Приднестровья» (ст. 316 УК ПМР и ст. 316-1 УК ПМР). Подозрение основано на лингвистическом исследовании текста специалистами Приднестровского государственного университета, согласно которому в нем «обнаружены сведения, унижающие честь и ущемляющие достоинство главы государства В.Н. Красносельского как представителя власти, подрывающие его репутацию в глазах окружающих как Президента ПМР», а также «унижающие честь и ущемляющие достоинство иных представителей власти, а именно Председателя СК ПМР В.И. Брынзарь, Министра ВД ПМР Мова Р.П., Прокурора ПМР Гурецкого А.А., судей Верховного суда ПМР Черного В.А., Згуряна В., Богданова И.И., председателя Верховного суда ПМР Пеньковского А.М., вице-спикера Верховного Совета ПМР Г.М. Антюфеевой».

Уведомление о возбуждении уголовного дела не содержит информации о наличии таких заявлений, несмотря на то, что честь и достоинство относятся к личным неимущественным правам и, соответственно, утверждать об их умалении может только конкретное лицо, считающее себя оскорбленным. Вместе с этим, не указаны конкретные высказывания, которые выражены в неприличной форме или противоречат нормам морали и нравственности, что противоречит стандартам анализа Европейского суда по правам человека⁷³.

К тому же, в процессуальном плане уголовное преследование Н. Бондаренко не является независимым, поскольку Заместитель начальника ОД УВД г. Тирасполь капитан милиции Л. Бондаренко является подчиненным лицом «оскорбленного» Министра МВД Р. Мовы, и опосредованно подчинен «оскорбленному» лицу — Президенту ПМР В. Красносельскому.

Таким образом, нарушено право на справедливое и независимое разбирательство дела, гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

Кроме этого, в аналогичном деле Европейский суд по правам человека осудил подобные действия власти, указав, что «такая санкция вполне может удержать журналистов от участия в публичном обсуждении вопросов, влияющих на жизнь общества. Кроме того, она может помешать средствам массовой информации выполнять свою задачу в качестве поставщика информации и общественного наблюдателя»¹⁰⁸. Таким образом, в отношении Н. Бондаренко нарушено право на свободу выражения мнений, гарантированное статьей 10 Конвенции.

Следствие по делу продолжается.

Одиночные пикеты

Дмитрий Белоусов 8 февраля 2019 года вышел на одиночный пикет против легализации вольерной охоты в России напротив консульства РФ в Тирасполе. Сотрудниками милиции пикет был прекращен. Д. Белоусов был противоправно доставлен в опорный пункт милиции, поскольку отсутствовали какие-либо причины для его доставления.

Жалоба Д. Белоусова на неправомерные действия сотрудников милиции была Тираспольским городским судом удовлетворена.

Тем не менее, при повторном проведении одиночного пикета 18 февраля 2019 года сотрудник милиции настоятельно рекомендовал прекратить пикет, поскольку данная акция будет истолковываться как призыв к митингу.

Информацию о данном пикете вы можете найти на apriori-center.org в материале «"Наши двери для вас всегда открыты": Белоусова задержали при пикетировании консульства РФ»¹⁰⁹.

Степан Поповский 7 августа 2020 года вышел на одиночный пикет¹¹⁰ перед зданием Верховного Совета ПМР с плакатами, на которых имелись надписи: «Свободу Чорбе! Отставку Мове!» и «Руки прочь от наших прав и свобод!».

Сотрудники милиции без каких-либо «законных оснований» прекратили пикет и доставили С. Поповского в УВД г. Тирасполь на выдуманном основании: для «проведения разбирательства по одиночному пикетированию».

Данное прекращение пикета не было «предусмотрено законом», потому принудительное прекращение пикета нарушило право С. Поповского на свободу выражения мнений и свободу собраний, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенции.

В августе 2020 года С. Поповский подал в Тираспольский городской суд заявление на неправомерные действия сотрудников милиции, которое на момент публикации данного обзора все еще не рассмотрено, хотя закон ограничил рассмотрение такого рода дел 10 днями¹¹¹. Столь длительное рассмотрение дела нарушает «право на справедливое [...] разбирательство дела в разумный срок», гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

При этом в приднестровском законодательстве отсутствует правовая основа для обжалования нарушения разумных сроков разбирательства дела.

Вечеринка возле с. Гиска

13 сентября 2020 года на заброшенной ферме у с. Гиска группа молодых людей проводила частную вечеринку¹¹². Данные УВД г. Бендер относительно числа участвовавших существенно разнятся: 38, 42, 47¹¹³. Около 00:30, со слов потерпевших, прибыли 60-80 сотрудников подразделений СОБР МВД ПМР и МГБ ПМР с автоматами, которые прекратили вечеринку и доставили всех участников в УВД г. Бендеры. До 5:30-8:30 сотрудники УВД г. Бендеры, сославшись первоначально на нарушение части «а» подпункта 3 пункта 7 Постановления Правительства №209 от 15.06.2020г.¹¹⁴, составляли протоколы об административных правонарушениях в отношении участников вечеринки. Протоколы составлялись сотрудниками: майором милиции И. Плакущенко, капитаном милиции П. Кирези, капитаном милиции А. Диаферовым, младшим лейтенантом милиции Е. Шпак, старшим лейтенантом милиции С. Лненичка, лейтенантом милиции А. Решетняк, сержантом А. Самойловским (в протоколе одного из участников не указано лицо, составившее его).

Впоследствии, в судебных инстанциях, свои действия сотрудники милиции стали основывать на положениях подпункта «в» пункта 2¹¹⁵ указанного Постановления, запрещающего собрания граждан численностью, превышающей 40 человек.

Стоит подчеркнуть, что защита участников вечеринки ходатайствовала о предоставлении в суд всех протоколов об административных правонарушениях, чтобы устранить сомнения относительно численности участников. Однако, суд немотивированно отказал в удовлетворении этого ходатайства, отдав, таким образом, без достоверных доказательств предпочтение данным о 42 задержанных на ферме, а не о 38, например. Это «объективно свидетельствует

об отсутствии беспристрастности суда», так как именно такое предпочтение придало вечеринке статус события административного правонарушения⁵⁸.

Поскольку свобода собраний может быть ограничена только в условиях чрезвычайного или военного положения¹¹⁶ и только посредством Указа Президента ПМР¹¹⁷, действия сотрудников подразделений СОБР МВД ПМР и МГБ ПМР не были «предусмотрены законом», т.к. были основаны на Постановлении Правительства ПМР №209, которое, в силу вышеизложенного, не может служить основанием для ограничения свободы собраний. Таким образом, в отношении участников вечеринки была нарушена статья 11 Конвенции, которая гарантирует право на свободу собраний.

В ходе судебных разбирательств, которые проводились под председательством судей Е. Костраковского, И. Кышларь, К. Карамышевой, Л. Брезинской, участники вечеринки характеризовали задержание так (судьи, однако, рассматривать эти заявления отказались):

— Грубое, сопровождающееся нецензурной бранью укладывание на землю всех участников вечеринки в положение с широко расставленными руками и ногами и вывернутыми в сторону спины ладонями, сопровождающееся ударами по ногам и наступанием на руки при нарушении этого положения, — что представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции¹¹⁸.

— Непосредственно на ферме участники вечеринки подверглись личному досмотру в присутствии сотрудников правоохранительных органов противоположного пола.

— У всех участников вечеринки были изъяты смартфоны, доступ к которым был получен под принуждением, и содержимое которых подверглось несанкционированному (без соответствующего решения суда) изучению сотрудниками милиции.

— Доставка участников вечеринки с фермы в УВД г. Бендеры было осуществлено в крайне переполненном транспортном средстве (по словам очевидцев, одной из задержанных стало плохо из-за нехватки воздуха).

— После доставления участников вечеринки с заброшенной фермы в УВД г. Бендеры все парни были поставлены вдоль стены коридора лицом к стене с поднятыми руками, раздвинутыми ногами и длительно (до 3 часов) удерживались в таком положении с запретом отправления естественных нужд, что равносильно пыткам (см. пред. ссылку).

— Впоследствии отправление естественных нужд осуществлялось в присутствии и под прямым наблюдением сотрудников милиции.

— Сбор биологической жидкости у участников вечеринки осуществлялся сотрудниками милиции на основании «добровольного» согласия, которое было дано под давлением.

— Сотрудник УВД г. Бендеры, представившийся Николаем, наносил одному из участников вечеринки удары по голове.

4 участника вечеринки (3 парня и 1 девушка) обратились в медицинские учреждения, где были зафиксированы причиненные телесные повреждения¹¹⁹.

Вышеперечисленные действия явились примерами бесчеловечного и унижающего достоинство обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, т.е. нарушением статьи 3 Конвенции. Незаконное изъятие телефонов и получение доступа к переписке в них — нарушение права на уважение частной жизни (ст. 8 Конвенции).

Права, нарушенные при изъятии и принуждении к предоставлению доступа к телефонам и принуждении к участию в медицинских опытах (сбор

биологической жидкости), более конкретно приводятся в статьях 24¹²⁰ и 21¹²¹ Конституции ПМР соответственно.

Европейский суд по правам человека установил, что при нарушениях статьи 3 Конвенции на государстве лежит позитивная обязанность провести эффективное расследование по жалобе¹⁰⁴. Отметим, что 7 участников вечеринки обратились в Прокуратуру ПМР с жалобами на неправомерные действия сотрудников милиции. По данным жалобам Управление Следственного комитета г. Бендеры вынесло постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, не усмотрев нарушений, не опровергнув указанных в жалобах обстоятельств и не установив лиц, на которых жаловались заявители.

Кроме того, все участники вечеринки находились во власти сотрудников милиции несколько часов — от 5 до 8 часов —, что является негласным задержанием, однако, протоколы задержания не были составлены¹²², а сроки превышены¹²³. Таким образом, в отношении участников вечеринки была нарушена статья 2 Протокола №4 о свободе передвижения, а само задержание не было совершено «в соответствии с предписанным законом порядком» и «законно» (отсутствуют основания) в значении §1 статьи 5 Конвенции¹²⁴.

Уже в ходе судебных разбирательств также были зафиксированы следующие процессуальные нарушения:

— Во все протоколы об административных правонарушениях в отсутствие участников были внесены дописки¹²⁵ о нарушении подпункта «в» пункта 2 Постановления Правительства ПМР №209. Таким образом, участники вечеринки были лишены права знать сущность выдвинутого обвинения, которое реализуется посредством обязательного указания в протоколе нарушенной нормы¹²⁶, то есть участники вечеринки не были незамедлительно и подробно уведомлены «[...] о характере и основаниях предъявленных им обвинений», что является очевидным нарушением §3 (а) статьи 6 Конвенции.

— В каждом протоколе указано, что лицо, в отношении которого ведется административное производство, нарушило нормативный правовой акт в отсутствие постановления о назначении наказания этому лицу¹²⁷, а судебные инстанции отказались дать оценку соблюдению законности порядка производства административных дел, что нарушило презумпцию невиновности, гарантированную §2 статьи 6 Конвенции.

— Отказ судов в удовлетворении всех ходатайств о проверке соблюдения сотрудниками правоохранительных органов порядка привлечения к административной ответственности фактически наделил сотрудников правоохранительных органов полным иммунитетом против судебного контроля и свидетельствовал об отсутствии объективной беспристрастности судов⁵⁸. В связи с этим судам заявлялись отводы, однако в их удовлетворении отказывалось без мотивации, что также свидетельствует о нарушении «права на справедливое [...] разбирательство дела [...] независимым и беспристрастным судом» (§1 статьи 6 Конвенции).

— По всем делам суд первой инстанции вынес постановления о прекращении производств ввиду отсутствия «состава правонарушения», хотя защита настаивала на прекращении производств ввиду отсутствия «события правонарушения»¹²⁸. Верховный суд своим определением без законных оснований счел форму доверенности (простую письменную, а не нотариальную) защитника С. Поповского несоответствующей требованиям (нарушение §3 (с) ст. 6 Конвенции), и вернул жалобы без рассмотрения, чем ограничил доступ участников вечеринки к правосудию (§1 ст. 6 Конвенции), т.к. возврат

кассационной жалобы в какой бы то ни было форме не предусмотрен законом ПМР.

Таким образом, судьи Верховного суда ПМР (В. Кольца, В. Ванюшин) отказались рассматривать жалобы участников вечеринки на постановления Бендерского городского суда, «вопиючи отказав в правосудии» и нарушив право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции.

Кроме того, 14 декабря 2020 года трое участников вечеринки обратились в суд с заявлением о вышеуказанных нарушениях, которые суды отказывались рассматривать в делах об административных правонарушениях (см. выше). Ответчиками по данному делу выступили Министр внутренних дел ПМР, Начальник УВД г. Бендеры и 2 сотрудника милиции. По закону¹¹¹ данное заявление должно было быть рассмотрено в течение 10 дней. Однако, судебное разбирательство продолжается на момент публикации данного обзора. Столь длительное превышение сроков рассмотрения дела нарушает «право на справедливое [...] разбирательство дела в разумный срок [...]», гарантированное §1 статьи 6 Конвенции.

Ограничение права на свободу передвижения в период пандемии

В связи с распространением COVID-19 в Приднестровье были приняты ограничительные меры. Венецианская комиссия Совета Европы изучила как государства осуществили эти меры, узаконенные исключительной ситуацией, подчеркнув, что, хотя опасность в этом контексте неизбежна, принципы права должны преобладать¹²⁹. Действия властей Приднестровья противоречат данному выводу.

Так, власти Приднестровья противоправно ограничили право на свободу передвижения¹³⁰ после отмены чрезвычайного положения. В частности, Президент ПМР В. Красносельский инициировал, а Верховный Совет ПМР единогласно утвердил изменения в ряд законов¹³¹. Данные изменения не отвечают критерию «предусмотрено законом», как того требует статья 2 Протокола №4 к Конвенции, гарантирующая свободу передвижения: изменения приняты в противоречии с пунктом 1 статьи 54 Конституции ПМР¹³².

Эти изменения позволили Правительству ПМР принять Постановление №209, которое наделило Оперативный штаб полномочиями лишать жителей Приднестровья конституционного права свободно пересекать границы Приднестровья.

Кроме того, процедура выдачи пропусков для пересечения границы Приднестровья предполагает принятие индивидуальных решений должностными лицами Оперативного штаба, при этом исчерпывающего перечня условий получения пропуска в открытом доступе нет. Как следствие, это порождает почву для произвольных решений должностных лиц с одной стороны, а, с другой, создает для граждан неопределенность и невозможность соотносить свои действия с действующими правилами. Свидетельством этого является статистика поступивших и одобренных заявок на выезд за пределы Приднестровья: с ноября 2020 года по апрель 2021 года количество одобренных заявок, согласно сайту МВД ПМР, колебалось в пределах от 50%¹³³ до 65%¹³⁴, что граничит со случайностью (с эмоциональной стороны сложившуюся ситуацию хорошо иллюстрирует комментарий одного из пользователей соцсетей¹³⁵).

ИПЦ «Априори»

В ноябре 2018 года, в рамках проверки¹³⁶, Прокуратура ПМР запросила у ИПЦ «Априори» всю документацию за 2016-2018 годы. 12 декабря ею было вынесено Представление, в котором указывалось, что в 2016-2017 гг. организация имела иностранное финансирование, а в 2018 «организовала» два мероприятия «в целях формирования общественно-политических взглядов и убеждений». Прокуратура отнесла к противозаконной «политической деятельности» (в том ее понятии, которое содержится в пункте 7 статьи 2 закона об НКО) выставку «СМИ под давлением трех атмосфер: Смирнов, Шевчук, Красносельский»¹³⁷ и презентацию исследования Тираспольской школы политических исследований «Смешанная избирательная система: анализ и перспективы для Приднестровья»¹³⁸. В ходе обжалования Представления, суд признал претензии Прокуратуры в отношении выставки необоснованными. В отношении презентации суд встал на сторону Прокуратуры несмотря на то, что для мероприятия Тираспольской школы политических исследований ИПЦ «Априори» лишь предоставил помещение.

Таким образом, в отношении ИПЦ «Априори» был применен пункт 7 статьи 2 Закона «О некоммерческих организациях». Учитывая, что данная норма закона является дискриминационной и не отвечает требованиям «качества», было нарушено право ИПЦ «Априори»¹³⁹ на свободу выражения мнений и право на свободу объединений, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенции, а также право на недискриминацию, закрепленное в статье 14 Конвенции¹⁴⁰.

ИПЦ «Априори» обжаловал Представление. В ходе разбирательств в судах общей юрисдикции и в Конституционном суде ПМР были нарушены гарантии справедливого разбирательства дела, закрепленные в §1 статьи 6 Конвенции:

— «право на [...] публичное разбирательство дела [...] судом» было нарушено в результате отказа судьи Е. Качуровской проводить разбирательство дела в зале судебных заседаний в ситуации, когда кабинет судьи не вмещал всей пришедшей публики, а также осуществление ею не предусмотренной процессуальным законом процедуры регистрации паспортных данных пришедшей публики;

— «право на [...] разбирательство дела [...] беспристрастным судом» было нарушено в результате:

(а) фактического проведения судье Е. Качуровской следственных действий, выразившееся в принятии документов, которые не относились к рассматриваемой прокурорской проверке,

(б) выявления судье, вместо Прокуратуры, одного из критериев правонарушения, недостающего в Представлении Прокуратуры: «сфера» «политической деятельности»,

(с) немотивированного предпочтения позиции Прокуратуры, заключенной в выводе о «формировании общественно-политических взглядов и убеждений», в ущерб позиции заявителя, заключенной в том, что мероприятие носило научный характер (в том числе по словам свидетеля Прокуратуры),

(д) постановления судьи, что Прокуратура не нарушила право на свободу собраний ИПЦ «Априори», так как «мероприятие не проводилось в форме собрания», что противоречит выводам ЕСПЧ¹⁴¹;

— право на доступ к правосудию нарушено в результате отказа Конституционного суда в рассмотрении жалобы ИПЦ «Априори», «ввиду несоответствия требованиям Конституционного закона ПМР о Конституционном суде ПМР», без указания конкретной нормы, что не соответствует целям надлежащего отправления правосудия.

ИПЦ «Априори» вынужден был заявить Прокурору А. Гурецкому об отказе в проведении мероприятий «политического» характера (согласно закону ПМР об НКО). На этом претензии со стороны Прокуратуры были исчерпаны.

Прочие

Помимо приведенных кейсов, по которым ИПЦ «Априори» оказывал юридическую помощь и, как следствие, имел доступ к документам, за последние несколько лет были и другие резонансные дела, без упоминания которых данный обзор был бы неполным.

Нижеприведенная информация публиковалась в медиа и не верифицировалась ИПЦ «Априори» (кроме Б. Бабаян), тем не менее, считаем важным упомянуть об этих случаях, т.к. все они имеют признаки политически мотивированного преследования:

— супруги Т. Белова и С. Мирович осуждены¹⁴² на 3 года по статье 316 УК ПМР «Оскорбление Президента ПМР» за публикации в телеграм-канале с критикой приднестровских властей¹⁴³;

— похожая история произошла с администраторов одного из самых массовых пабликов о Приднестровье в Вайбере (40 тыс.): исходя из периодически публикуемых в нем сообщений, Б. Бабаян был задержан в апреле 2020 года за «призыв к экстремизму»¹⁴⁴ (впоследствии выяснилось, что Б. Бабаян был признан виновным¹⁴⁵ по части второй статьи 276 УК ПМР, ему был назначен штраф 2000 РУМЗП, 1500 РУМЗП из которых были исключены, ввиду нахождения Б. Бабаяна под стражей с 24.04.2020 по 22.04.2021);

— преследование бывшего главы местной компартии О. Хоржана¹⁴⁶;

— возникают разумные сомнения в беспристрастности уголовного преследования чиновников предыдущей власти¹⁴⁷, в силу избирательности и засекреченности дел.

V. Выводы

Вероятно, данный обзор содержит лишь часть из возникших кейсов. Тем не менее, приведенная их совокупность — явное свидетельство систематического вмешательства приднестровских властей в право на свободу выражения мнения и в право на свободу собраний, которое, как показано, не «основано на законе»: не имеет законных оснований и/или основано на законе, который не отвечает требованиям «качества».

При всем этом, во всех из представленных в обзоре судебных разбирательствах одной из сторон выступали представители исполнительной ветви власти. Практически в каждом деле (в 24-х из 25-ти дел в кейсах «Гиска», «Василакий», «Поповский», «Малышев», «Априори») были зафиксированы свидетельства предвзятости судей, которая становилась непреодолимым препятствием для восстановления нарушенных прав и свобод. В части кейсов ИПЦ «Априори» столкнулся с «вопиющим отказом в правосудии» («Малышев», «Гиска», «Василакий»). Подобное невозможно разумно объяснить чем-либо, кроме как зависимостью судебной ветви власти от исполнительной.

Таким образом, несмотря на то, что ЕСПЧ признает суды территорий с неопределенным статусом, к которым относится и Приднестровье, как средство правовой защиты¹⁴⁸, защитить права и свободы на практике не представляется возможным, так как приднестровские суды не демонстрируют своей «эффективности»¹⁴⁹, как того требует статья 13 Конвенции: не позволяют «исправить обжалуемую ситуацию и иметь разумные перспективы на успех»¹⁵⁰.

VI. Рекомендации

(а) Поскольку в делах, рассмотренных в настоящем обзоре, имеются существенные нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией, и отсутствуют эффективные средства их правовой защиты, считаем необходимым провести в рамках формата «5+2» правовую экспертизу дел, указанных в обзоре жертв нарушений прав человека и основных свобод.

(b) Поскольку эффективная система защиты нарушенных на территории Приднестровья прав и свобод так и не была сформирована за прошедшие 30 лет существования Приднестровья, очевидно, что для этой ситуации требуется принципиально отличный от задействованных за это время подходов.

Принятая в постконфликтной Боснии и Герцеговине для разрешения аналогичной проблемы «Палата по правам человека»¹⁵¹, как концептуальная модель, может служить оптимальным и системным решением проблемы отсутствия эффективного средства правовой защиты в Приднестровье.

Такой орган, за счет формирования Палаты международным сообществом с участием Приднестровья, будет достаточно независимым в своих решениях, в том смысле, который придается этому §1 статьи 6 Конвенции, и позволит гарантировать соблюдение прав и свобод человека.

VII. Послесловие

В качестве заключения мы хотим напомнить, что обеспечение прав и свобод человека является не только обязанностью национальных властей, но и, как показал опыт Второй мировой войны, требует участия международного сообщества, а потому нарушения прав человека не являются внутренним делом отдельно взятой страны.

Мы надеемся, что данный обзор не оставит безучастным никого, кто способен повлиять на ситуацию и помочь жертвам нарушений прав человека в Приднестровье, дабы избежать умножения таких судеб и противодействовать складывающейся тенденции.

Список концевых сносок

¹ Статья 10 Конвенции (Свобода выражения мнения): «1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

² Статья 11 Конвенции (Свобода собраний и объединений): «1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

³ <https://www.coe.int/ru/web/compass/human-rights-activism-and-the-role-of-ngos>

⁴ Статья 10 Конституции ПМР: «Внешняя политика республики исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств. Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Приднестровской Молдавской Республики являются основой отношений с другими государствами и составной частью правовой системы».

⁵ <http://mfa-pmr.org/ru/tdt>

⁶ §1 статьи 32 Конвенции (Компетенции Суда): «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34, 46 и 47».

⁷ Статья 1 Конвенции: «Обязательство соблюдать права человека Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

⁸ §1 статьи 56 Конвенции: «Любое Государство при ратификации или впоследствии может заявить путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы о том, что настоящая Конвенция, с учетом §4 настоящей статьи, распространяется на все территории или на любую из них, за внешние сношения которых оно несет ответственность».

⁹ Постановление ЕСПЧ от 23.02.2016 по делу «Mozer v. Moldova and Russia» [GC], №11138/10, §110.

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 30.05.2017 по делу «Vardanean v. Moldova and Russia», №22200/10, §21.

¹¹ <https://tass.ru/politika/11399319>

¹² Замечания Правительства Российской Федерации относительно приемлемости жалобы заявителей по делу «Ribac and Rodina-Agro S.A. v. the Republic of Moldova and Russia», № 28857/14, §114: «Правительство Российской Федерации заявляет, что отказ предполагаемых жертв или их представителей на национальном уровне обратиться в суды Республики Молдова означает неисчерпание эффективных внутренних средств правовой защиты по смыслу статьи 35 п. 1 Конвенции и о недопустимости жалобы».

¹³ Постановление ЕСПЧ по делу «Aksoy v. Turkey», № 21987/93, §95: «[...] средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и в законодательстве, в частности, в том смысле, что его применение не должно необоснованно затрудняться действиями или бездействием властей государства-ответчика».

¹⁴ напр., Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Mozer v. the Republic of Moldova and Russia», [GC], № 11138/10, ECHR-2016, §85: «Власти Республики Молдова утверждали, что у них не было юрисдикции над территорией Приднестровья в смысле управления и контроля, тем не менее, они продолжали выполнять позитивные обязательства [...] и активизировали свои дипломатические усилия в этом направлении».

¹⁵ <https://newsmaker.md/rus/novosti/vsp-priznala-nezakonnym-prigovor-osnovatelyu-kompartii-pridnestrovya-olegu-horzhanu/>

¹⁶ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Thlimmenos v. Greece» [GC], № 34369/97, EHRR 2000—IV, §44: «До сих пор Суд считал, что право по статье 14 не подвергаться дискриминации при осуществлении прав, гарантированных Конвенцией, нарушается, когда государства обращаются с разными лицами в аналогичных ситуациях без предоставления объективного и разумного обоснования [...]. Однако Суд считает, что это не единственная грань запрета дискриминации в Статье 14. Право не подвергаться дискриминации при осуществлении прав, гарантированных Конвенцией, также нарушается, когда государства без объективного и разумного обоснования не обращаются по-разному с лицами, положение которых существенно отличается».

¹⁷ <https://mid.gospmr.org/ru/tsk>

¹⁸ Закон РМ «О судеустройстве» от 6 июля 1995 года №514-XIII

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 10.05.2001г. по делу «Cyprus v. Turkey», № 25781/94, 2001—IV, 35 EHRR 731, §96

²⁰ *mutatis mutandis*, Постановление ЕСПЧ от 10 мая 2001 года по делу «Cyprus v. Turkey» [CG], № 25781/94, §88: «[...] в соответствии со статьей 35 Конвенции средства правовой защиты, доступные в Приднестровье, следует считать «внутренними средствами правовой защиты» в распоряжении государств-ответчиков — Республики Молдова и Российской Федерации, — и вопрос об их эффективности должен рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств, указанных в Жалобе».

²¹ Постановление ЕСПЧ от 02.09.1998 по делу «Yaşa v. Turkey», §112: «Суд напоминает, что статья 13 Конвенции гарантирует существование в национальном праве правовых средств, защищающих преимущественно права и свободы, записанные в Конвенции. Поэтому требуется, чтобы имелось правовое средство, позволяющее компетентному национальному органу выяснить содержание претензии, основанной на Конвенции, и предложить соответствующее возмещение [...] правовые средства, требуемые статьей 13, должны быть юридически и практически «эффективными» в том смысле, что возможность использовать их не может быть неоправданно затруднена действиями или же бездействием органов власти Государства-ответчика».

²² Статья 13 (Право на эффективное средство правовой защиты): «Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

²³ Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2000 года по делу «Amann v. Switzerland», §88: «Суд напоминает, что статья 13 Конвенции возлагает обязанность предоставить любому индивиду, считающему, что оно понесло ущерб в связи с действиями, по его утверждению, нарушающими Конвенцию, средство правовой защиты перед национальными властями, с тем, чтобы они рассмотрели жалобу, и чтобы, если необходимо, лицо могло добиться возмещения ущерба. Эта норма не требует, тем не менее, однозначной предопределенности благоприятного исхода».

²⁴ Статья 276 УК ПМР: «1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности — наказываются штрафом в размере от 1 000 (одной тысячи) до 2 000 (двух тысяч) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок до 3 (трех) лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе глобальной сети Интернет, — наказываются штрафом в размере от 2000 (двух тысяч) до 2 500 (двух тысяч пятисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок от 3 (трех) до 5 (пяти) лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 (трех) лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой и (или) второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего должностного или служебного положения, —

наказываются штрафом в размере от 2 500 (двух тысяч пятисот) до 3 500 (трех тысяч пятисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок от 5 (пяти) до 7 (семи) лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

²⁵ Статья 278 УК ПМР: «1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе глобальной сети Интернет, — наказываются штрафом в размере от 1 700 (одной тысячи семисот) до 3 000 (трех тысяч) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок до 180 (ста восьмидесяти) часов, либо исправительными работами на срок до 1 (одного) года, либо лишением свободы на срок до 3 (трех) лет.

2. Те же деяния, совершенные: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой, — наказываются лишением свободы на срок до 5 (пяти) лет».

²⁶ Статьи 278-3 УК ПМР: «1. Публичные действия или высказывания, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе глобальной сети Интернет, выражающие явное неуважение к миротворческой миссии Российской Федерации в Приднестровской Молдавской Республике и направленные на искажение положительной роли миротворческой миссии Российской Федерации либо умаление заслуг Российской Федерации в поддержании мира, безопасности и стабильности в Приднестровской Молдавской Республике, — наказываются штрафом в размере от 500 (пятисот) до 1 000 (тысячи) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок до 3 (трех) лет. 2. Те же деяния, совершенные: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) группой лиц по предварительному сговору, — наказываются штрафом в размере от 1 000 (тысячи) до 1 500 (тысячи пятисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок от 5 (пяти) до 7 (семи) лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 (трех) лет».

²⁷ Статья 315 УК ПМР: «1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей — наказывается штрафом в размере от 700 (семисот) до 1700 (одной тысячи семисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 180 (ста восьмидесяти) до 240 (двухсот сорока) часов, либо исправительными работами на срок до 2 (двух) лет, либо лишением свободы на срок до 5 (пяти) лет.

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, — наказывается лишением свободы на срок от 5 (пяти) до 10 (десяти) лет.

Примечание: представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

²⁸ Статья 316 УК ПМР: «Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением — наказывается штрафом в размере от 200 (двухсот) до 350 (трехсот пятидесяти) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 120 (ста двадцати) до 180 (ста восьмидесяти) часов, либо исправительными работами на срок от 6 (шести) месяцев до 1 (одного) года».

²⁹ Статья 316-1 УК ПМР: «Публичное оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением — наказывается штрафом в размере от 350 (трехсот пятидесяти) до 700 (семисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 180 (ста восьмидесяти) до 240 (двухсот сорока) часов, либо исправительными работами на срок от 1 (одного) года до 2 (двух) лет, либо лишением свободы на срок до 5 (пяти) лет».

³⁰ Статья 5.62 КоАП ПМР: «1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 10 (десяти) до 30 (тридцати) РУ МЗП, на должностных лиц — от 50 (пятидесяти) до 100 (ста) РУ МЗП.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 50 (пятидесяти) до 100 (ста) РУ МЗП, на должностных лиц — от 100 (ста) до 200 (двухсот) РУ МЗП.

3. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 100 (ста) до 200 (двухсот) РУ МЗП, на должностных лиц — от 200 (двухсот) до 500 (пятисот) РУ МЗП.

4. Непринятие мер к недопущению клеветы в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 50 (пятидесяти) до 100 (ста) РУ МЗП, на юридических лиц — от 100 (ста) до 200 (двухсот) РУ МЗП».

³¹ Статья 19.3 КоАП ПМР: «1. Неисполнение законных требований должностных лиц органов государственной власти, а равно создание препятствий в осуществлении их деятельности — влечет наложение административного штрафа в размере от 70 (семидесяти) до 100 (ста) РУ МЗП или административный арест на срок до 15 (пятнадцати) суток.

2. Неисполнение законных требований лиц, исполняющих обязанности по защите и охране государственной границы Приднестровской Молдавской Республики, а также выполняющих служебный или общественный долг по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, а равно создание препятствий в осуществлении их деятельности, в том числе оказание им сопротивления, — влекут наложение административного штрафа в размере от 70 (семидесяти) до 100 (ста) РУ МЗП или административный арест на срок до 15 (пятнадцати) суток».

³² Статья 10 Конвенции (Свобода выражения мнения): «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

³³ Статья 11 Конвенции (Свобода собраний и объединений): «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

³⁴ Статья 18 Конституции ПМР: «Ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах государственной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону».

³⁵ <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>

³⁶ Оценка Еврокомиссией «За демократию через право» (Венецианская комиссия) ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» — №660/2011 20.06.2012. Страсбург, §30: «Венецианская комиссия отмечает, что определения "основных понятий" "экстремизма" ("экстремистская деятельность (экстремизм)", "экстремистская организация" и "экстремистские материалы") не дают общие характеристики экстремизма как понятия. Наоборот, в Законе перечисляется очень разнообразный спектр действий, которые рассматриваются как "экстремистская деятельность", или "экстремизм"».

«Практические аспекты применения Закона о противодействии экстремистской деятельности. Религиозный экстремизм» (А. А. Найда, юрист, Адвокатское бюро «Казаков и Партнёры», <http://sutyajnik.ru/documents/4992.pdf>): «Само понятие «экстремизм», которое Закон [РФ, содержащий понятия, идентичные понятиям из Закона ПМР «О противодействии экстремистской деятельности»,] в статье 1 вводит в юриспруденцию, он не определяет: не выделены характерные признаки экстремизма, не раскрыта сущность данного социального явления, а лишь

перечислены его формы. Иначе говоря, понятие «экстремизм» закон диктует через перечень экстремистских действий и уравнивает его с понятием «экстремистская деятельность».

Однако дробление и конкретизация списка экстремистских действий должно иметь место как дополнение, как практическая составляющая целостного общего понятия того, что по сути является экстремизмом, которого в законе нет. Это не что иное как недостаток юридической техники. И недостаток существенный, так как сейчас на практике каждый по своему понимает экстремизм и каждый по своему усматривает его в словах и действиях других лиц, все чаще и порой необоснованно привлекая последних к ответственности. [...]

Комитет по правам человека ООН¹, Венецианская комиссия все, начиная с 2003 года, неоднократно делали российским властям замечания о том, что рекомендуется пересмотреть указанный закон с целью большей конкретизации ключевых понятий, чтобы исключить любую возможность произвольного толкования и применения. Указывалось, что деятельность, чтобы попасть под определение экстремистской, должна быть «связанной с насилием или призывами к насилию» для того, чтобы «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» считалось «экстремистской деятельностью», в определении должен явно упоминаться элемент насилия, чего в нашем Законе нет. Отмечалось и много других недостатков, например, нечеткость понятия «экстремистская деятельность», которую необходимо устранить».

³⁷ Статья 1 Закона ПМР «О противодействии экстремистской деятельности» (Основные понятия, используемые в настоящем Законе): «Для целей настоящего Закона применяются следующие основные понятия:

а) экстремистская деятельность (экстремизм):

1) деятельность общественных и религиозных объединений либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных:

а) на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Приднестровской Молдавской Республики;

б) на подрыв безопасности Приднестровской Молдавской Республики;

в) на захват или присвоение властных полномочий;

г) на создание незаконных вооруженных формирований;

д) на осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма;

е) на возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни и нетерпимости, связанных с насилием или призывами к насилию;

ж) на унижение национального достоинства;

з) на осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

и) на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, расовой, национальной, религиозной, социальной или языковой принадлежности;

к) на пропаганду идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной, социальной вражды и (или) нетерпимости;

л) на воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения, а равно как и принуждение к участию либо неучастию в избирательной кампании, кампании референдума;

м) на воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения;

н) на публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Приднестровской Молдавской Республики или государственную должность в органах местной власти и местного самоуправления Приднестровской Молдавской Республики, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

о) на посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Под государственными деятелями в целях настоящей статьи понимаются руководители органов государственной власти, государственные служащие и иные лица, чья деятельность носит явно политический характер. Общественными деятелями в целях настоящей статьи признаются руководители и видные представители политических партий, иных

общественных объединений, профессиональных, религиозных организаций, средств массовой информации;

п) на нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

р) на массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

с) на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной в подпунктах 1), 2), 4) подпункта а) настоящей статьи деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению такой деятельности, обосновывающие или оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье;

4) финансирование указанной в подпунктах 1), 2), 3) подпункта а) настоящей статьи деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств;

б) экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Законом, судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, вступившее в законную силу;

в) экстремистские материалы – предназначенные для обнародования печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной групп.

³⁸ Оценка Еврокомиссией «За демократию через право» (Венецианская комиссия) ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» — №660/2011 20.06.2012. Страсбург, §36.

³⁹ Постановление ЕСПЧ по делу «Maestri v. Italy» [GC], № 39748/98, ECHR 2004-I, §30: «Суд повторяет, что выражения «предписанная законом» и «в соответствии с законом» в статьях 8-11 Конвенции не только требуют, чтобы оспариваемая мера имела определенную основу во внутреннем законодательстве, но и ссылаются на качество рассматриваемого закона. Закон должен быть доступен для заинтересованных лиц и сформулирован с достаточной точностью, с тем чтобы они — при необходимости, с соответствующей консультацией — могли предвидеть, в той степени, в какой это разумно в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой данное действие [...] Для того чтобы национальное законодательство соответствовало этим требованиям, оно должно обеспечивать правовую защиту от произвольного вмешательства органов публичной власти в права, гарантированные Конвенцией [...]».

⁴⁰ <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-protivodeystviya-ekstremizmu-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike-na-2020-2026-godi.html>

⁴¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Chauvy and Others v. France», № 64915/01, §69, ЕСПЧ 2004-VI: «69. Суд считает, что поиск исторической правды является неотъемлемой частью свободы выражения мнений, и в функции Суда не входит арбитраж основных исторических вопросов, которые являются частью продолжающихся дебатов между историками, формирующих мнения относительно произошедших событий и их интерпретации [...]».

⁴² https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml

⁴³ В постановлении от 14 марта 2013 года по делу «Eon v. France», № 26118/10, §22 ЕСПЧ ссылается на мотивировочную часть французского законопроекта о декриминализации статьи об оскорблении президента, в которой его автор, Массон (Masson), указал: «[...] в той мере, в которой каждый гражданин может воспользоваться общеуголовными нормами, запрещающими оскорбление или диффамацию, нет причин отдельно предусматривать проступок, состоящий в оскорблении Президента Французской Республики. Более того, состав данного проступка

сформулирован аномально широко и может охватывать как очернение в политических целях, так и слегка резкую критику. По этим причинам в подавляющем большинстве современных демократий понятие оскорбления главы государства исключено из уголовного законодательства. Например, в г. Люксембурге в 2002 году декриминализировали «злые нападки на Великого герцога», заменив их нормами общего действия».

⁴⁴ <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniya-v-ugolovniy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-.html>

⁴⁵ Статья 5.61 КоАП ПМР: «Оскорбление — унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной или иной противоречащей нормам морали и нравственности форме».

⁴⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Pakdemirli v. Turkey», N 35839/97, §47: «Что касается пределов допустимой критики, то Суд неоднократно признавал, что она шире по отношению к политику, действующему в качестве общественного деятеля, чем по отношению к частному лицу. Политик неизбежно и сознательно подвергает себя пристальному наблюдению за своими действиями, как со стороны журналистов, так и со стороны общественности, не говоря уже о политическом оппоненте. Он должен проявлять большую терпимость, особенно когда сам делает публичные заявления, которые могут быть открыты для критики».

⁴⁷ Подпункт «а» пункта 4 статьи 5 Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, уличных шествиях и пикетированиях»: «подать в государственную администрацию города (района) соответствующего населенного пункта, на территории которого планируется его проведение, уведомление о проведении публичного мероприятия в порядке, установленном статьей 7 настоящего Закона».

⁴⁸ Постановление ЕСПЧ от 15.11.2018г. по делу «Navalnyy v. Russia», № 29580/12 и № 36847/12, 11252/13, 12317/13, 43746/14, §136.

⁴⁹ Постановление ЕСПЧ от 12.02.2019г. по делу «Muchnik and Mordovin v. Russia», № 23814/15 и № 2707/16, §50

⁵⁰ Постановление ЕСПЧ от 15.05.2014г. по делу «Taranenko v. Russia», № 19554/05, §66: «Тем не менее статья 11 Конвенции защищает только право на свободу мирных собраний. Это понятие не распространяется на демонстрации, когда организаторы и участники имеют намерения применить силу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная Македонская организация «Илинден» против Болгарии» (Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria), жалобы N 29221/95 и 29225/95, ECHR2001-IX, §77, Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении» (Galstyan v. Armenia) от 15 ноября 2007 г., жалоба N 26986/03, §101). Однако даже в том случае, если существует реальная опасность публичных беспорядков в результате демонстрации, которые произойдут в силу обстоятельств, находящихся вне контроля тех, кто ее организовал, подобная демонстрация не выходит за рамки §1 статьи 11 Конвенции, а любое ограничение, примененное к такому собранию, должно соответствовать положениям §2 этой статьи (см. Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии» (Schwabe and M.G. v. Germany), жалобы N 8080/08 и 8577/08, ECHR 2011 (извлечения), §103)».

⁵¹ Пункт 7 статьи 2 Закона «О некоммерческих организациях»:

Некоммерческой организации, получающей денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от юридических лиц, зарегистрированных на территории Приднестровской Молдавской Республики, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее — иностранные источники), запрещается участвовать, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Приднестровской Молдавской Республики.

Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Приднестровской Молдавской Республики, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она осуществляет деятельность в сфере:

- а) государственного строительства;
- б) защиты основ конституционного строя Приднестровской Молдавской Республики;
- в) защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Приднестровской Молдавской Республики;
- г) обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики.

Указанная в подпунктах а)-г) части второй настоящего пункта деятельность осуществляется в следующих формах:

а) участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений;

б) участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме, в наблюдении за проведением выборов, референдума, формировании избирательных комиссий, комиссий референдума, в деятельности политических партий;

в) публичные обращения к органам государственной власти Приднестровской Молдавской Республики, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов, в том числе направленные на принятие, изменение, отмену законов или иных нормативных правовых актов;

г) распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых органами государственной власти решениях и проводимой ими политике;

д) формирование общественно-политических взглядов и убеждений;

е) вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в указанную деятельность;

ж) финансирование указанной деятельности.

⁵² Руководящие принципы по свободе объединений Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ: «Принцип 6. Право на свободу мнений и их свободное выражение. Объединения имеют право на свободу мнений и их свободное выражение через свои цели и деятельность. Это право дополняет индивидуальное право членов объединений на свободу мнений и их свободное выражение. Объединения имеют право участвовать в общественных и политических дискуссиях независимо от того, согласуется занимаемая ими позиция с политикой правительства или эта позиция требует изменений законодательства.

Принцип 7. Право свободно искать, получать и использовать ресурсы. В целях ведения своей деятельности объединения имеют право свободно искать, получать и использовать финансовые, материальные и человеческие ресурсы, будь они национальные, иностранные или международные. В частности, государства не могут ограничивать или блокировать доступ объединений к ресурсам по причине национальной принадлежности или страны происхождения их источника; помимо этого, они не должны порочить те объединения, которые получают такие ресурсы. Данное право ограничивается лишь требованиями законодательства, которые обычно действуют в отношении таможенного контроля, валютных операций и деятельности по предупреждению отмыкания денег и терроризма, а также требованиями, касающимися прозрачности и правил финансирования выборов и политических партий, — в том объеме, в каком сами эти требования соответствуют международным стандартам в области прав человека».

⁵³ Постановление ЕСПЧ по делу «Zechev v. Bulgaria», № 57045/00, §§53-56: «53. Суд ранее уже пояснил свою позицию в отношении размытости определений, используемых в законодательных актах [...] Суд [...] намерен исследовать, насколько правоприменительная практика в отношении заявителя привела к результатам, соответствующим Конвенции (see Gorzelik and Others, cited above, §100).

54. [...] Суд должен проверить, необходимо ли в демократическом обществе запрещать организациям, не зарегистрированным в качестве политических партий, преследовать «политические цели». При этом он должен проверить, соответствует ли этот запрет «насуточной социальной потребности» и соразмерен ли он целям, которые необходимо достичь (там же, §§94-105).

55. Первое, что необходимо отметить в этой связи, это неопределенность, окружающая термин «политический», используемый в статье 12 §2 Конституции 1991 года и интерпретируемый национальными судами. Например, в данном деле эти суды посчитали, что кампания за изменение конституции и формы правления подпадает под эту категорию. В другом недавнем деле эти же суды, что более сомнительно, заявили, что «проведение митингов, демонстраций, собраний и других форм публичной агитации» ассоциацией, выступающей за региональную автономию и предполагаемые права меньшинств, также является политическими целями и деятельностью по смыслу статьи 12 §2 Конституции 1991 года. Суд счел это решение необоснованным (см. «Объединенная македонская организация Илинден и другие», цитировалось выше, §§17, 19, 21 и 73). Конституционный суд, со своей стороны, принял иное определение «политического», в центре которого было «участие в процессе формирования органов, через которые [...] народ осуществляет свою власть» (см. §22 выше). На этом фоне и с учетом того, что этот термин по своей сути является расплывчатым и может быть подвержен самым различным толкованиям, вполне возможно, что болгарские суды могут назвать «политическими» любые цели, которые каким-либо образом связаны с нормальным функционированием демократического общества, и, соответственно, предписать учредителям

юридических лиц, желающих преследовать такие цели, зарегистрировать их как политические партии, а не как «обычные» ассоциации. Поэтому классификация, основанная на этом критерии, может привести к непоследовательным результатам и породить значительную неопределенность среди тех, кто желает подать заявление на регистрацию таких организаций.

56. Если бы ассоциации в Болгарии могли, будучи зарегистрированными в качестве таковых, участвовать в выборах и приходиться к власти, как это было в деле «Горзелик и другие» (см. выше), возможно, было бы необходимо потребовать от некоторых из них регистрации в качестве политических партий, чтобы на них распространялись, например, более строгие правила, касающиеся финансирования партий, общественного контроля и прозрачности (см. §20 выше). Однако, согласно болгарскому законодательству, как в то время, так и в настоящее время, ассоциации не могут участвовать в национальных, местных или европейских выборах (см. §21 выше). Поэтому нет «острой социальной необходимости» требовать от каждой ассоциации, которая, по мнению судов, преследует «политические» цели, зарегистрироваться в качестве политической партии, особенно с учетом того факта, что, как отмечалось выше, точное значение этого термина в болгарском законодательстве представляется весьма расплывчатым. Это означало бы заставить ассоциацию принять юридическую форму, к которой ее основатели не стремились. [...] Более того, такой подход противоречит свободе объединения, поскольку в случае его принятия свобода действий, которая останется в распоряжении учредителей объединения, может стать либо несуществующей, либо настолько ограниченной, что не будет иметь практической ценности (см. *mutatis mutandis*, *Young, James and Webster v. the United Kingdom*, решение от 13 августа 1981 года, Series A № 44, p. 23, § 56; *Sigurður A. Sigurjónsson v. Iceland*, решение от 30 июня 1993 года, Series A № 264, pp. 15-16, § 35; и *Chassagnou and Others v. France [GC]*, №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, §114 in fine, ECHR 1999-III)».

⁵⁴ Подтверждающий документ находится в распоряжении ИПЦ «Априори».

⁵⁵ Пункт 1 статьи 7-2 Закона ПМР «Об обращениях граждан, юридических лиц, а также общественных объединений»: «Поступившие обращения подлежат обязательному приему, регистрации, учету и рассмотрению. Отказ в приеме обращения запрещается».

⁵⁶ Алгоритм анализа ограничений прав и свобод, гарантированных статьями 8-11 Конвенции, применяемый Европейским судом по правам человека, предполагает определение того, было ли вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно законную цель или цели, указанные в §2 данных статей, и было ли оно «необходимо в демократическом обществе» для их достижения (Постановление ЕСПЧ по делу «*Sunday Times v. the United Kingdom*» (No. 1), Series A, N 30, p. 31, §49; Постановление ЕСПЧ по делу «*Larissis and Others v. Greece*», Reports 1998-I, p. 378, §40; Постановление ЕСПЧ по делу «*Hashman and Harrup v. the United Kingdom*», N 25594/94, §31, ECHR 1999-VIII; Постановление ЕСПЧ по делу «*Rotaru v. Romania*», N 28341/95, §52, ECHR 2000-V; Постановление ЕСПЧ по делу «*Hasan and Chaush v. Bulgaria*», № 30985/96, §84, и др.).

⁵⁷ См. среди прочих, Постановление ЕСПЧ по делу «*De Haes and Gijssels v. Belgium*», 1997-I, 25 EHRR, §53: «Суд подчеркивает, что принцип равенства сторон — составной элемент более емкого понятия справедливого судебного разбирательства — требует, чтобы каждой из сторон была предоставлена разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом (см., среди других источников, Постановление ЕСПЧ по делу «*Ankerl v. Switzerland*», 23.10.1996 г. Reports 1996-V, p. 1565-1566, §38)».

⁵⁸ Постановление ЕСПЧ по делу «*Poppe v. the Netherlands*», N 32271/04, §25: «Что касается беспристрастности с объективной точки зрения, то необходимо определить, существуют ли, помимо поведения судьи, установленные факты, которые могут вызвать сомнения в его беспристрастности. В этом отношении важна даже внешность, поскольку правосудие должно не только отправляться, но и восприниматься как свершившееся. Речь идет о доверии, которое судьи в демократическом обществе должны внушать общественности. Это означает, что при принятии решения о том, есть ли в том или ином конкретном деле законные основания опасаться того, что конкретному судье не хватает беспристрастности, восприятие обвиняемого важно, но не решающее. Решающим является то, может ли этот страх быть признан объективно оправданным (см. также *Schwarzenberger v. Germany*, N 75737/01, §42; *Ferrantelli and Santangelo v. Italy*, N 19874/92, §59; *De Cubber v. Belgium*, N 9186/80, §§27-30)».

⁵⁹ Часть вторая пункта 3 статьи 25.2 КоАП ПМР: «При рассмотрении дела об административном правонарушении, влекущем административный арест или административное выдворение за пределы Приднестровской Молдавской Республики иностранного гражданина либо лица без гражданства, или обязательные работы, присутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, является обязательным».

⁶⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Othman (Abu Qatada) v. UK», N 8139/09, §260: «[...] «вопиющий отказ в правосудии» является строгим критерием несправедливости. Вопиющий отказ в правосудии выходит за рамки простых нарушений или отсутствия гарантий в судебных процедурах таких, которые могут привести к нарушению статьи 6 Конвенции, как если бы они допускались внутри самих Договаривающихся Сторон. Необходимо, чтобы было допущено нарушение принципов справедливого судебного разбирательства, гарантированных статьей 6 Конвенции, которое является настолько тяжким, что составляет сведение на нет или уничтожение самой сущности права, гарантированного этой статьей».

⁶¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Krasulya v. Russian Federation», No 12365/03, §50: «[...] для того, чтобы разбирательство было справедливым, как того требует §1 статьи 6 Конвенции, «суд» должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению [...]».

⁶² Подобные оценочные суждения в постановлениях/протоколах в такой, утвердительной, форме, без должных оговорок, представляют собой объявление виновным в отсутствие окончательного приговора суда и нарушают право на презумпцию невиновности (§2 статьи 6 Конвенции).

Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 по делу «Fedorenko v. Russia», № 39602/05, §§90-94, в частности: «92. [...] Суд считает, что формулировка [...] о том, что заявитель [совершил] «серьезное уголовное преступление», равносильно признанию вины заявителя, в отсутствие окончательного приговора, и нарушает его право на презумпцию невиновности».

ЕСПЧ неоднократно отмечал, что «презумпция невиновности, закрепленная в §2 статьи 6 Конвенции [Европейской конвенции о защите прав и свобод человека], является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, проведения которого требует §1 статьи 6 (см. Постановление ЕСПЧ от 10.02.1995г. по делу «Аллене де Рибемон против Франции» (Allenet de Ribemont y, France) §35, Серия A № 308, и Решение ЕСПЧ от 10.05.2005г. «Арриго и Велла против Мальты» (Arrigo and Vella v. Malta) (dec.), № 6569/04). Этот принцип нарушается, если заявление должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение о его виновности до того, как его вина была доказана в соответствии с законом. Наличие любой аргументации, намекающей на то, что должностное лицо считает обвиняемого виновным даже в отсутствие любого формального Постановления, является достаточным основанием для этого. Необходимо провести фундаментальное разграничение между заявлением о том, что кто-либо лишь подозревается в совершении преступления, и ясным заявлением, в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора, о том, что указанное преступление было совершено данным лицом. В этой связи Суд подчеркивает важность того, чтобы государственные должностные лица ответственно относились к формулировкам, до того момента, как лицо будет предано суду и осуждено за совершение преступления» (см., в том числе, Постановление ЕСПЧ от 24.04.2008г. «Йсмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia), № 2947/06, §§161, 166)».

⁶³ Постановление ЕСПЧ по делу «Menchinskaya v. Russia», N 42454/02, §35: «Сторонами гражданского судопроизводства являются истец и ответчик, которые имеют равные права, в том числе право на юридическую помощь. Поддержка со стороны прокуратуры одной из сторон, несомненно, может быть оправдана при определенных обстоятельствах, например, при защите прав уязвимых групп населения — детей, инвалидов и т.д., — которые, как предполагается, сами не в состоянии защитить свои интересы, или в тех случаях, когда в результате противоправных действий пострадали многочисленные граждане, или в тех случаях, когда интересы государства нуждаются в защите [...]».

⁶⁴ Статья 6 Конвенции (Право на справедливое судебное разбирательство): «1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: (а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; (б) иметь достаточное время и возможности для

подготовки своей защиты; (с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; (d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; (е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

⁶⁵ <https://apriori-center.org/program/prezentacija-knigi-god-molodosti/>

⁶⁶ <https://apriori-center.org/otkrytoe-obrashhenie-larisy-kalik-k-prezidentu-pmr-otvet-v-n-krasnoselskogo-i-voennoj-prokuratury/>

⁶⁷ Статья 5 Закона ПМР «Об актах законодательства ПМР» (Приоритетная юридическая сила норм международного права на территории ПМР): «1. Общеизвестные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Приднестровской Молдавской Республики. О применении общеизвестных принципов и норм международного права на территории Приднестровской Молдавской Республики должно быть надлежащим образом заявлено в установленном действующим законодательством Приднестровской Молдавской Республики порядке соответствующими органами государственной власти, в исключительную компетенцию которых входит принятие решений о применении общеизвестных принципов и норм международного права на территории Приднестровской Молдавской Республики.

2. Прямое действие общеизвестных принципов и норм международного права означает их непосредственное использование в правотворческой деятельности органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления при разработке актов законодательства Приднестровской Молдавской Республики (которым должны следовать разрабатываемые нормы), а также в правоприменительной практике, если отсутствуют аналогичные нормы в актах законодательства Приднестровской Молдавской Республики»

⁶⁸ <https://apriori-center.org/zajavlenie-larisy-kalik-na-imja-ministra-gosbezopasnosti-pmr/>

⁶⁹ <https://fb.watch/4i5K66UxO1/>

⁷⁰ Подтверждающий документ находится в распоряжении ИПЦ «Априори».

⁷¹ Статья 116 УК ПМР (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью): «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, - наказывается штрафом в размере до 1500 (одной тысячи пятисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 180 (ста восьмидесяти) до 240 (двухсот сорока) часов, либо исправительными работами на срок до 2 (двух) лет, либо лишением свободы на срок до 2 (двух) лет».

⁷² Пункт 1 статьи 166 ГК ПМР (Нематериальные блага): «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

⁷³ Постановление ЕСПЧ по делу «Alves da Silva v. Portugal», № 41665/07, §28: «Учитывая характер и содержание замечаний, а также контекст — карнавалы торжества, в ходе которых имело место действие заявителя, было трудно воспринимать обвинения заявителя в адрес заявителя в буквальном смысле. Даже если бы это было так, как политик, заявитель должен был проявить большую терпимость к критике, особенно там, где она принимает форму сатиры (см. Vereinigung Bildender Künstler, цитированный выше, §34)».

⁷⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Lingens v. Austria», № 9815/82, §42; Постановление ЕСПЧ по делу «Vides Aizsardzibas Klubs v. Latvia», жалоба N 57829/00, §40: «Слова и поступки политических деятелей, в отличие от частных лиц, неизбежно и заведомо открыты для контроля со стороны журналистов и общественности в целом, и они должны, следовательно, демонстрировать большую степень терпимости».

⁷⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Vereinigung Bildender Künstler v. Austria», № 68354/01, §33: «Однако следует подчеркнуть, что в картине использовались только фотографии голов соответствующих лиц, их глаза были скрыты под черными полосами, а их тела были нарисованы в нереалистичной и преувеличенной манере. По мнению национальных судов всех уровней, картина явно не ставила своей целью отразить или даже предположить реальность; правительству в своих представлениях не утверждало обратного. Суд считает, что такое изображение представляло собой карикатуру на соответствующих лиц с использованием сатирических элементов. Он отмечает, что сатира является формой художественного выражения и социального комментария и, в силу присущих ей черт преувеличения и искажения

действительности, естественно, направлена на провоцирование и возбуждение. Соответственно, любое вмешательство в право художника на такое выражение должно рассматриваться с особой тщательностью».

⁷⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Alves da Silva v. Portugal», № 41665/07, §26, §§29-30: «26. Вмешательство противоречит Конвенции, если оно не отвечает требованиям §2 статьи 10. Поэтому необходимо определить, было ли вмешательство «в соответствии с законом», преследовало ли оно одну или несколько законных целей, указанных в этом пункте, и было ли оно "необходимо в демократическом обществе" для достижения этой цели или этих целей. Не оспаривается, что вмешательство было предусмотрено законом - соответствующими положениями Уголовного кодекса — и преследовало законную цель, а именно защиту репутации или прав других лиц, по смыслу статьи 10 § 2. Однако стороны не согласны с тем, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе»

«29. Суд считает, что наказание за поведение, подобное поведению заявителя в данном деле, может оказать сдерживающее воздействие на сатирические высказывания по социальным вопросам, которые также могут играть очень важную роль в свободном обсуждении вопросов, представляющих общий интерес, без чего не может существовать демократическое общество.

30. Таким образом, взвесив интересы общества в уголовном осуждении заявителя после его сатирического выступления, с одной стороны, и последствия такого осуждения для заявителя, с другой, Суд считает, что уголовное наказание, назначенное португальскими судами, было несоразмерно преследуемой цели и поэтому не является необходимым в демократическом обществе».

⁷⁷ <https://apriori-center.org/pervoe-v-pmr-ugolovnoe-delo-so-statej-ob-otricanii-polozhitelnoj-rolims-rf/>

⁷⁸ Обвинительное заключение находится в распоряжении ИПЦ «Априори».

⁷⁹ <https://apriori-center.org/stepan-popovskij-zajavlenie-o-narushenii-v-pridnestrove-prava-na-svobodu-i-lichnuju-neprikosnovennost/>

⁸⁰ Статья 95 УПК ПМР (Порядок возбуждения уголовного дела): «При наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело.

О возбуждении уголовного дела прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания выносят постановление. В постановлении должно быть указано: время, место, кем оно составлено, повод и основание к возбуждению дела, статья уголовного закона, по признакам которого оно возбуждается, а также дальнейшее направление дела».

⁸¹ Статья 90 УПК ПМР (Поводы и основания к возбуждению уголовного дела): «Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

а) заявление о преступлении;

б) явка с повинной;

в) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

г) постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса в порядке и в сроки, предусмотренные статьей 93 настоящего Кодекса, по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

⁸² Постановление ЕСПЧ от 27.02.1980г. по делу «Deweer v. Belgium», № 6903/75, §46: «[...] «Обвинение» можно было бы в целях статьи 6 §1 определить как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение».

⁸³ <https://novostipmr.com/ru/file/stihiyny-miting-v-rybnice-podrobnosti>

⁸⁴ <https://www.mvdpmr.org/vazhnaya-informatsiya/31835-pridnestrovtsy-rabotayushchie-v-rm-privozyat-covid-19.html>

⁸⁵ <https://newsmaker.md/rus/novosti/v-pridnestrovo-oppozitsionnogo-aktivista-arestovali-na-10-sutok-za-protest-cto-esche-izvestno-ob-etom-dele/>

⁸⁶ Пункт 3 статьи 20.2 КоАП ПМР (Нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании): «Нарушение участником публичного мероприятия (в том числе связанного с осуществлением миссионерско-проповеднической деятельности) установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, — влечет наложение штрафа в размере 20 (двадцати) РУ МЗП или административный арест на срок до 15 (пятнадцати) суток».

⁸⁷ Постановление по делу «Ezelin v. France», № 11800/85, §39; Постановление по делу «Kasparov and Others v. Russia», N 21613/07, §84: «Вмешательство в осуществление права на ИПЦ «Априори». Июнь 2021.

свободу собраний не обязательно должно быть равносильно прямому запрету, законному или фактическому, а может заключаться в различных других мерах, принимаемых властями. Термин «ограничения» в статье 11 §2 следует толковать как включающий меры, принятые до или во время собрания и тех (такие как карательные меры), принимаемые впоследствии».

⁸⁸ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Navalnyy v. Russia», № 29580/12 и 36847/12, 11252/12, 12317/13, 43746/14, §136: «Суть процедуры уведомления [о проведении собрания] состоит в том, чтобы позволить властям принимать разумные и надлежащие меры для обеспечения беспрепятственного проведения любого собрания. Положения такого рода не должны представлять собой скрытого препятствия для свободы мирных собраний, защищаемой Конвенцией (см. Постановление по делу «Samüt Karabulut V. Turkey», N 16999/04, §35; Постановление по делу «Berladir and others v. Russia», N 34202/06, §39)».

⁸⁹ <https://novostipmr.com/ru/news/20-07-16/arestovan-gennadiy-chorba-organizovavshiy-2-iyulya-miting-v>

⁹⁰ Пункт 1 статьи 28.2 (Доставление): «1. Доставка, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным [...]».

⁹¹ Пункт 3 статьи 28.2 КоАП ПМР (Доставление): «3. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. В протоколе о доставлении либо в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании обязательно указывается время доставления. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе».

⁹² Статья 28.4 КоАП ПМР (Протокол об административном задержании): «1. Об административном задержании составляется протокол, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания».

⁹³ Постановление ЕСПЧ по делу «Shchebet v. Russia», № 16074/07, §63: «[...] Суд постоянно придерживался мнения, что незарегистрированное задержание лица является полным отрицанием фундаментально важных гарантий, содержащихся в Статье 5 Конвенции, и раскрывает наиболее серьезное нарушение этого положения. Отсутствие записи о таких вопросах, как дата, время и место содержания под стражей, имя задержанного, причины задержания и имя лица, его осуществляющего, должно рассматриваться как несовместимое с требованием законности и с самой целью статьи 5 Конвенции (see Fedotov v. Russia, no. 5140/02, §78, 25 «October 2005, and Menesheva v. Russia», no. 59261/00, §87, ECHR 2006-...)».

⁹⁴ Статья 5 Конвенции (Право на свободу и личную неприкосновенность): «1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с §1 (с) настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного ИПЦ «Априори». Июнь 2021.

срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

⁹⁵ Статья 2 Протокола №4 к Конвенции (Свобода передвижения): «1. Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства.

2. Каждый свободен покинуть любую страну, включая свою собственную.

3. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц.

4. Права, признанные в пункте 1, могут также, в определенных районах, подлежать ограничениям, вводимым в соответствии с законом и обоснованным общественными интересами в демократическом обществе».

⁹⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Ireland v. UK», A 25 (1978), 2 EHRR 25, §162: «[...] жестокое обращение должно достигать минимального уровня тяжести, чтобы подпадать под действие статьи 3 [Конвенции]. Оценка этого минимума, по природе вещей, является относительной; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические или психические последствия, в некоторых случаях — пол, возраст, состояние здоровья жертвы и т.д. [...]».

⁹⁷ См. «Приложения» в материале «Заявление о нарушении прав и свобод Ирины Василяк» на apriori-center.org

⁹⁸ Статья 3 Конвенции (Запрещение пыток): «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

⁹⁹ §2 статьи 28.15 КоАП ПМР: «Привод осуществляется органом внутренних дел (милицией) на основании определения судьи [...]».

¹⁰⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Times Newspapers Ltd» (№ 1 and 2) v. the United Kingdom, № 3002/03 и 23676/03, §37: «[...] вмешательство нарушает статью 10, если только оно не «предписано законом», не преследует одну или несколько законных целей, упомянутых в статье 10 §2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей».

¹⁰¹ Мы руководствуемся общеправовым принципом «*jura novit curia*» («суд знает право»), поскольку процедура отбора на должность судьи предполагает наличие у кандидата на должность судьи юридического образования, профессионального стажа работы и сдачу специального квалификационного экзамена.

¹⁰² Статья 31.7 КоАП ПМР: «Решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении

1. По результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносятся одно из следующих решений:

а) об оставлении постановления без изменения, а жалобы — без удовлетворения;

б) об изменении постановления, если при этом не усиливается административное наказание или иным образом не ухудшается положение лица, в отношении которого вынесено постановление;

в) об отмене постановления и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных статьями 2.16, 24.5 настоящего Кодекса, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление;

г) об отмене постановления и о возвращении дела на новое рассмотрение судьей, в орган, должностному лицу, правомочным рассмотреть дело, в случаях существенного нарушения процессуальных требований, предусмотренных настоящим Кодексом, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, а также в связи с необходимостью применения закона об административном правонарушении, влекущем назначение более строгого административного наказания, если потерпевшим по делу подана жалоба на мягкость примененного административного наказания;

д) об отмене постановления и о направлении дела на рассмотрение по подведомственности, если при рассмотрении жалобы установлено, что постановление было вынесено неправомочными судьей, органом, должностным лицом.

2. Решение по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные статьей 30.12 настоящего Кодекса.

3. При рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится определение о передаче жалобы на рассмотрение по подведомственности, если выяснено, что ее рассмотрение не относится к компетенции данных судьи, должностного лица».

¹⁰³ Постановление ЕСПЧ по делу «Golder v. the United Kingdom», №4451/70, §35: «[...] По мнению Суда, было бы немыслимо, чтобы статья 6 п. 1 содержала подробное описание предоставляемых сторонам процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь того, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями — доступа к суду. Такие характеристики процесса, как справедливость, публичность, динамизм, лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства».

¹⁰⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Gäfgen v. Germany», 2010-; 52 EHRR 1, §116, GC: «[...] В случаях умышленного жестокого обращения со стороны представителей государства в нарушение статьи 3 Суд неоднократно находил, что для предоставления достаточного возмещения необходимы две меры. Во-первых, государственные органы должны были провести тщательное и эффективное расследование, способное привести к выявлению и наказанию виновных [...] Во-вторых, решение о выплате компенсации заявителю требуется там, где это уместно [...] или, по крайней мере, возможность искать и получать компенсацию за ущерб, который заявитель понес в результате жестокого обращения [...]».

¹⁰⁵ <https://apriori-center.org/zajavlenie-o-narushenii-prav-i-svobod-iriny-vasilakij/>

¹⁰⁶ <http://sk.gospmr.org/index.php/ru/novosti-komiteta/3189-k-ugolovnoj-otvetstvennosti-privlechen-zhitel-g-bendery-za-sovershenie-dejstvij-ekstremistskogo-kharaktera>

¹⁰⁷ Подтверждающие документы находятся в распоряжении ИПЦ «Априори».

¹⁰⁸ *mutatis mutandis*, Barthold v. Germany, №8734/79, §58, Серия А №90; Lingens v. Austria, §42, Series A, №103

¹⁰⁹ <https://apriori-center.org/nashi-dveri-dlja-vas-vsegda-otkryty-belousova-zaderzhali-pri-piketirovanii-konsulstva-rf/>

¹¹⁰ <https://apriori-center.org/pravozashhitnik-stepan-popovskij-zaderzhan-vo-vremja-odinochnogo-piketa-za-svobodu-cherbe-i-otstavku-move/>

¹¹¹ Пункт 1 статьи 288 ГПК ПМР (Рассмотрение заявления судорм): «Заявление рассматривается судом в течение 10 (десяти) дней со дня его подачи в суд с участием заявителя, руководителя или представителя органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного служащего, ненормативный правовой акт, решение, действие (бездействие) которых оспариваются».

¹¹² <https://newsmaker.md/rus/novosti/chezanej-vyzanimaetes-vzhizni-kak-vpridnestrove-rassleduyut-izbienie-uchastnikov-rejv-vecherinki-silovikami/>

¹¹³ Подтверждающие документы находятся в распоряжении ИПЦ «Априори».

¹¹⁴ Часть «а» подпункта 3 пункта 7 Постановления Правительства № 209 от 15.06.2020г: «а) соблюдать социальную дистанцию и использовать средства индивидуальной защиты (маски) при посещении организаций торговли и сферы услуг».

¹¹⁵ Подпункт «в» пункта 2 Постановления Правительства ПМР: «проведение на территории Приднестровской Молдавской Республики массовых мероприятий, за исключением случаев, когда их проведение разрешено на основании решения Оперативного штаба по профилактике и предотвращению распространения вирусной инфекции. Примечание: под массовым мероприятием для целей настоящего Постановления понимается мероприятие и собрание, проводимое с участием свыше 40 (сорока) человек».

¹¹⁶ Пункт 1 статьи 54 Конституции ПМР: «В условиях чрезвычайного или военного положения в соответствии с конституционным законом могут быть ограничены конституционные права и свободы человека и гражданина, установленные статьями 4, 20, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 36, 37 настоящей Конституции. Ограничение указанных в настоящей статье конституционных прав и свобод человека и гражданина могут устанавливаться с указанием пределов и срока их действия. Никакие иные конституционные права и свободы человека и гражданина ограничению не подлежат».

¹¹⁷ Пункт 1 статьи 3 закона «Об особых правовых режимах»: «Особые правовые режимы в Приднестровской Молдавской Республике могут вводиться исключительно на основаниях, предусмотренных настоящим Конституционным законом, и только указами Президента Приднестровской Молдавской Республики».

¹¹⁸ Постановление ЕСПЧ по делу «Ireland v. UK», А 25 (1978), 2 EHRR 25, §167: «[...] пять методов [а) долговременное стояние у стены (пытка неудобной позой); б) «капюшон»; (с) ИПЦ «Априори». Июнь 2021.

акустическая перегрузка слуха; (d) лишение сна; е) лишение пищи и питья — см. §96] применялись в сочетании с предварительным обдумыванием и в течение нескольких часов на растяжке; они причиняли, если не фактические телесные повреждения, то, по крайней мере, интенсивные физические и психические страдания лицам, подвергавшимся их воздействию, а также приводили к острым психическим нарушениям во время допроса. Соответственно, они подпадали под категорию бесчеловечного обращения по смыслу статьи 3 (Запрещение пыток). Эти методы также являются унижающими достоинство, поскольку они вызывают у жертв чувство страха, боли и неполноценности, способные унижить и оскорбить их и, возможно, сломить их физическое или моральное сопротивление».

¹¹⁹ Подтверждающие документы находятся в распоряжении ИПЦ «Априори».

¹²⁰ Статья 24 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на защиту доброго имени, защиту от посягательств на его честь и достоинство, вмешательства в его частную жизнь, на личную и семейную тайну, на неприкосновенность жилища. Никто не вправе войти в жилище, производить обыск или осмотр, нарушать тайну переписки и телефонных переговоров иначе как в случае и порядке, предусмотренном законом».

¹²¹ Статья 21 Конституции ПМР: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению и наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским и другим опытам».

¹²² Статья 28.4 КоАП ПМР (Протокол об административном задержании): «1. Об административном задержании составляется протокол [...]».

¹²³ Статья 28.5 (Сроки административного задержания): «1. Срок административного задержания не должен превышать 3 (трех) часов [...]».

Постановление ЕСПЧ по делу «Tsirlis and Kouloumpas v. Greece», №19233/91 19234/91, §56: «Таким образом, необходимо установить, было ли задержание г-на Цирлиса в период с 30 апреля 1990 года по 30 мая 1991 года, а также задержание г-на Кулумпаса в период с 30 мая 1990 года по 29 мая 1991 года «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом», и «законно» по смыслу пункта 5 статьи 5. 1 статьи 5 Конвенции (статья 5-1). Суд повторяет, что в данном случае Конвенция, по сути, отсылает к внутреннему законодательству и устанавливает обязательство соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы; однако он также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 [Право на свободу и личную неприкосновенность], а именно защите людей от произвола [...]».

¹²⁵ Подтверждающие документы находятся в распоряжении ИПЦ «Априори».

¹²⁶ Пункт 2 статьи 29.3 КоАП ПМР: «В протоколе об административном правонарушении указываются дата и место его составления; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении; фамилии, имена, отчества (при наличии информации об отчествах), адреса, места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие; место, время совершения и событие административного правонарушения; статья настоящего Кодекса, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение [...]».

Постановление ЕСПЧ по делу «Ismoilov and Others v. Russia», № 2947/06, §§161, 166: «Суд вновь заявляет, что презумпция невиновности будет нарушена, если в судебном решении или заявлении государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в уголовном преступлении, будет отражено мнение о его виновности до того, как его вина будет доказана в соответствии с законом. Достаточно, даже при отсутствии какого-либо формального вывода, чтобы суд или должностное лицо считали обвиняемого виновным. Необходимо проводить принципиальное различие между заявлением о том, что кто-то просто подозревается в совершении преступления, и четким заявлением, в отсутствие окончательного убеждения, о том, что данное лицо совершило данное преступление. Суд подчеркивает важность выбора слов государственными должностными лицами в своих заявлениях до того, как лицо будет судимо и признано виновным в совершении конкретного уголовного преступления [...]».

¹²⁸ <http://www.kodap.ru/kommentarii/razdel-4/glava-24/st-24-5-koar-rf>; «Отсутствие события правонарушения», в отличие от «отсутствия состава», позволяет заявить иск в суде о признании бесосновательными действия сотрудников милиции, а также, в соответствии со статьей 1104 ГК ПМР, заявить требование о возмещении вреда (в том числе, морального), причиненного незаконными действиями государственных органов.

¹²⁹ Венецианская комиссия Заключение о защите прав человека в чрезвычайных ситуациях, CDL-AD(2006)015, §13: «Даже в условиях чрезвычайной ситуации верховенство права должно иметь преимущественную силу».

¹³⁰ <https://apriori-center.org/stepan-popovskij-zajavlenie-o-narushenii-v-pridnestrove-prava-na-svobodu-peredvizhenija/>

¹³¹ В Закон «О порядке въезда в Приднестровскую Молдавскую Республику и выезда из Приднестровской Молдавской Республики», в Закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в Закон «О праве граждан Приднестровской Молдавской Республики на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Приднестровской Молдавской Республики»

¹³² Пункт 1 статьи 54 Конституции ПМР: «В условиях чрезвычайного или военного положения в соответствии с конституционным законом могут быть ограничены конституционные права и свободы человека и гражданина, установленные статьями 4, 20, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 36, 37 настоящей Конституции».

¹³³ <https://www.mvdpmr.org/novosti/glavnaya-tema-koronavirus/33631-bez-rassmotreniya-ne-ostajotsya-ni-odno-obrashchenie.html>

¹³⁴ <https://www.mvdpmr.org/vazhnaya-informatsiya/34678-rabota-krizisnykh-tsentrov-2.html>

135

Для меня кризисный центр, он же оперштаб стал просто открытием года. Мой опыт общения с этой структурой, к сожалению, привел меня к следующим выводам. Подразделение, которое наделено полномочиями решать очень важные вопросы людей, не имеет никакого регламента, или не соблюдает его.

Вся деятельность и решения основаны на личном мнении того сотрудника, на которого человек с запросом сегодня попал.

Мне пришлось вспомнить все те качества и способности, которые были развиты в период, когда надо было отпрашиваться у мамы:

1. Надо споймать маму в хорошем настроении
2. Надо предоставить ей кучу оснований, объяснить пользу.
3. Если мама прямо сейчас против, то можно подождать и снова спросить.
4. Можно задалбывать маму "ну маааааа..." пока она не разрешит.
5. Можно выдумать другую причину (более уважительную по версии мамы) и отпрашиваться туда.
6. Но точно нужно быть убедительным, настойчивым, не соглашаться, если мама сказала: "нет", чтобы ты просто отстал.

Что делать не нужно, или, что не работает:

1. Кричать маме, что ты пожалуешься бабушке или папе.
2. Жаловаться в вышестоящие инстанции (мама с ними все равно в договоре).
3. Ругаться, психовать - не имеет смысла.

К сожалению, лучше, чем эти способы я пока не выявила. И хотя я получала все разрешения по запросу, тем не менее, каждый раз в большей или меньшей мере мне приходилось применять все вышенаписанное. Хотя это, конечно, очень удивляет.

¹³⁶ <https://apriori-center.org/opiti-na-apriori/>

¹³⁷ <https://apriori-center.org/nedelja-svobody-slova-2018/>

¹³⁸ Анонс мероприятия ТШПИ: <https://apriori-center.org/program/prezentacija-issledovanija-smeshannaja-izbiratel'naja-sistema-analiz-i-perspektivy-dlja-pridnestrovja/>

Видеозапись мероприятия:

https://www.facebook.com/watch/live/?v=2243264209254566&ref=watch_permalink

¹³⁹ Статья 34 Конвенции (Индивидуальные жалобы): «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

¹⁴⁰ Статья 14 Конвенции (Запрещение дискриминации): «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

¹⁴¹ Постановление ЕСПЧ от 20.02.2003г. по делу «Djavit An v. Turkey», № 20652/92, §56: «Суд отмечает вначале, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнения, является одной из основ такого общества. Таким образом, оно не должно толковаться ограничительно (см. дело «G. v. Germany», № 13079/87, решение Комиссии от 6 марта 1989 г., DR 60, p. 256; «Rassemblement jurassienne и Unité jurassienne», см. выше, p. 93; и «Rai and Others v. the United Kingdom», № 25522/94, решение Комиссии от 6 апреля 1995 г., DR 81-A, p. 146). Как таковое, это право распространяется как на частные собрания и собрания в общественных местах, так и на статичные собрания и публичные шествия; кроме того, оно может осуществляться как отдельными лицами, так и теми, кто организует собрание (Rassemblement jurassienne и Unité jurassienne, см. выше, с. 119, и Christians against Racism and Fascism v. the United Kingdom, № 8440/78, решение Комиссии от 16 июля 1980 г., DR 21, с. 138, на с. 148)».

¹⁴² <https://newsmaker.md/rus/novosti/v-pridnestrove-dvuh-pensionerov-prigovorili-k-trem-godam-tyurmy-za-oskorblenie-kranoselskogo/>

¹⁴³ <https://bloknot-moldova.md/news/zhenshchina-iz-pridnestrovyya-oskorbila-prezidenta--1140029>

¹⁴⁴ <https://invite.viber.com/?g2=AQBCaSx9qTocIkoBdhxuI%2BgckUtydKlg0bAVjskj%2BNnGgstFgsrdCfjVJkQHtS68>

¹⁴⁵ Подтверждающие документы находятся в распоряжении ИПЦ «Априори».

¹⁴⁶ <https://newsmaker.md/rus/novosti/beznakazannost-v-pridnestrove-rozhdaet-monstrov-advokat-vyacheslav-tsurkan-o-dele-kuzmicheva-i-borbe-za-prava-cheloveka-v-pridnestrove-intervyu-nm/>

¹⁴⁷ <https://newsmaker.md/rus/novosti/shevchuk-iego-komanda-chto-stalo-slyudmi-eks-glavy-pridnestrovyya/>

¹⁴⁸ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Cyprus v. Turkey», [GC], 2001—IV,35 EHRR 731, §96: «[...] в ситуациях, подобных тем, что приводятся в настоящем деле, обязательство игнорировать, не принимать во внимание действия существующих де-факто органов и институтов далеко от абсолютного. Для проживающих на данной территории людей жизнь продолжается. И эту жизнь нужно сделать более сносной и терпимо, именно в интересах жителей этой территории действия упомянуты властей [...] не могут игнорироваться третьими странами или международными организациями, особенно судами, в том числе этим. Думать иначе означало бы вовсе лишить проживающих на этой территории людей всех их прав всякий раз, когда они обсуждаются в международном контексте, это также означало бы лишение их даже минимального уровня прав, которые им положены».

¹⁴⁹ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Kudla v. Poland», [GC], № 30210/96, §157: «Как неоднократно отмечал Европейский суд, статья 13 Конвенции гарантирует наличие в национальной правовой системе средства правовой защиты, обеспечивающего на национальном уровне защиту конвенционных прав и свобод в любой форме. Таким образом, статья 13 Конвенции требует предоставления внутригосударственного средства правовой защиты [«в государственном органе»], позволяющего рассмотреть по существу «обоснованную жалобу» на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию [...] «орган», указанный в данной норме, не обязательно должен быть судебным; но, если он не является судебным, его полномочия и предоставляемые им гарантии имеют существенное значение при определении того, является ли эффективным данное средство правовой защиты [...]».

¹⁵⁰ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Mozer v. the Republic of Moldova and Russia», [GC], № 11138/10, ECHR-2016, §116: «Чтобы быть эффективным, средство правовой защиты должно быть способно непосредственно исправить обжалуемую ситуацию и иметь разумные перспективы на успех [...]».

¹⁵¹ Приложение 6 «Соглашение по правам человека» к «Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине» от 21 ноября 1995 года, г. Париж.

Дополнительная информация

Авторы: С. Поповский, Е. Дунаев, Н. Кузьмин

Сайт: apriori-center.org

Facebook: [/aprioricenter](https://www.facebook.com/aprioricenter)

ВКонтакте: [/aprioritiraspol](https://vk.com/aprioritiraspol)

Электронная почта: info@apriori-center.org

Электронная версия обзора:

